

Маги начинают и выигрывают

ОЛЬГА ОМАНОВСКАЯ

МАГ
БЕЗ ДИПЛОМА

Annotation

Даже в самой неприметной жизни могут случиться большие неприятности. А из честной верноподданной легко превратиться в обвиняемую в череде тяжких преступлений. Просто потому, что кому-то нужна «подсадная утка».

Ольга Романовская

Маг без диплома

© О. Романовская, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1. Орочий заказ

Пригнувшись, Эллина Тэр переступила порог неказистой, казалось, вросшей в землю таверны.

Ржавая вывеска неприятно скрипела на ветру за спиной – непонятное, вылинявшее от дождей изображение, превратившееся в бесформенное сине-зеленое пятно, и надпись: «Харчи от русалки». Заведение так в народе и называли – «Русалка».

Чтобы добраться до этого проклятого всеми тварями мира места, Эллина проделала долгий путь, успела окунуться с головой в реку – спасибо прохудившемуся мосту и всаднику-лихачу, – обляпать сапоги в грязи и подцепить простуду. Оставалось надеяться, что заказ она получит.

Интересно, не опередил ли ее Гланер? Дружба дружбой, а деньги врозь. Да и мужчины охотнее разговаривают о таких вещах с братьями по полу. Вот если нужно снадобье, девочку сосватать, на худой конец, судьбу предсказать или порчу навести, то это женское дело. Впрочем, на исконно мужскую территорию она не вторгается, чужих черных плащей ^[1] не примеряет.

Сбросив с головы капюшон, Эллина отряхнулась от капель дождя, пару раз чихнула, мысленно проклиная слякотную осень, и оглядела душное неказистое помещение. Она искала орка. Точнее, равнинного оседлого полуорка Урха.

Описание, которым снабдили Эллину, было крайне расплывчатым: высокий, плечистый, с темной оливковой кожей. Да тут полная таверна таких симпатичных по собственным меркам и обожающих эль.

Эллина не помнила, принято ли у орков угощать даму. Хотелось бы, потому что именно из-за Урха она промокла до нитки.

– Что угодно госпоже-магу?

Эллина улыбнулась: приятно, когда тебя принимают за человека высшего порядка. Ну да, может, и маг, только без диплома. Так, пару лет училища за спиной и разрешение о праве работы четвертой-пятой степени. Увы, на Университет денег не нашлось, да и рекомендательные письма никто не напишет, а без них мещанке среди творцов заклинаний делать нечего. Поэтому уничтожение чудовищ, телепорты и прочие премудрости – это не по ее части.

Работа у Эллина скучная и скудно оплачиваемая, приходится вечно крутиться как белке в колесе. А еще всякие темные личности норовят отобрать заработанное потом и кровью, пришлось взять пару уроков самообороны и навестить оружейную лавку. Боец из нее, скажем прямо, аховый, зато не чувствуешь себя беспомощной клушей. А ощущение беспомощности Эллина ненавидела, хотя нередко испытывала.

– Мне нужен Урх. Еще ужин и пинта эля. Или есть что покрепче?

Да, женщине не принято пить самогон, но на дружеских попойках в училище вина лучше не пробовать – желудок загубишь. К тому же крепкие спиртные напитки при простуде помогают. Оставалось надеяться, что самогон не окажется забористым пойлом для орков.

– Найдём, – улыбнулся беззубой улыбкой хозяин и толкнул в бок заскучавшую подавальщицу, по внешнему виду тоже из орочьего племени. Стойбище у них, что ли, рядом? Ах да, это же Рамит, все население такое: либо орки в роду, либо гномы. Даже не знаешь, что лучше.

Смешанные браки – вещь привычная, но людская кровь свое дело сделала. Кто-то повыше стал, у кого-то цвет лица улучшился, и поголовно все увлеклись скотоводством и земледелием. Официально. А неофициально, тайком от государства, землю на предмет золотишка копают, воруют и грабят раззяв на дорогах.

Заказчик не желал объявляться, и Эллина заняла первое попавшееся свободное место, с облегчением расслабив мышцы.

Она с усердием поедала куриную ножку, когда к ней вразвалочку подошел детина и, облокотившись о стол, обдал перегаром и поинтересовался:

– Ну, чего хотела, детка?

Значит, это и есть Урх. Что ж, похож – орк-орком.

Главное, не стусеваться, перебороть волнение и ответить в той же манере. С разными клиентами нужно разговаривать по-разному.

– Ошибаешься, любезный, это ты от меня чего-то хотел. Гоэт ведь нужен.

– Ты, что ли? – рассмеялся орк. – Ты же баба!

– Да, – не стала возражать Эллина, – но дело свое знаю. Документы, полагаю, показывать бесполезно, могу наглядно доказать. Не добьюсь нужного результата – просто не заплатите. По рукам?

Урх задумался, потом с сопением выгнал из-за стола парочку местных жителей и плюхнулся напротив Эллины.

– Значица, так. Есть одна девка, красивая девка. Жениться хочу, только она богатая, ее папаша просто так не отдаст. Увез ее куда-то, спрятал. Нужно найти и сюда привезти. За все про все плачу десять серебряных чекушек^[2].

Для орка – очень даже щедро, главное, чтобы не обманул.

Эллина потребовала предъявить деньги и, удостоверившись, что кошелек нанимателя не дырявый, составила расписку, по которой господин Урх обязан заплатить за выполнение работы по поиску и похищению девушки десять серебряных монет достоинством четверть лозена каждая. Орк поставил крест вместо подписи, приложив рядом жирный отпечаток большого пальца, и договор был заключен.

Чокнулись, выпили местного самогона. Он оказался терпимым, хотя в первые мгновения пришлось держать лицо. В повседневной жизни гоэта привыкла к другим напиткам.

Простуда, кажется, отступила, и Эллина с облегчением втянула воздух, наслаждаясь теплом и горячей пищей.

Гоэта (хоть сама она предпочитала называть себя гоэт, апеллируя к тому, что в списке профессий женского рода у данной специальности нет) была неприхотлива в быту, но не уподоблялась оголтелым боевым магичкам, которые рассекали просторы родины в бесполой одежде с вороньим гнездом на голове. Эллина за собой следила (не девочка уже, а морщинки заказов не прибавят), не пренебрегала платьями, хотя путешествовать предпочитала в брюках. Правда, в отношении нарядов между ней и утонченными выпускницами магического Университета лежала гигантская пропасть.

Урх с интересом рассматривал живую гоэту. До этого магов ему встречать не приходилось, разве что знахарку-самоучку, но ведь это совсем другое дело! Он гадал, сможет ли женщина сделать все как нужно. К нужной девчонке наверняка приставлена охрана, а что может сделать эта доходяга? Тут грубая мужская сила нужна. Или гоэта мальчиков соблазнять собралась? По мнению орка, соблазнять особо нечем – что за грудь, не понять, собранные в тугой узел мышинные волосы, свободная, не стесняющая движений одежда. Эллина, конечно,

баба ничего, не уродина, но слюна из-за такой до пола не капает.

– Ну, что уставился? – Эллина отодвинула тарелку в сторону. – Со мной что-то не так? Извини, другого гоэта нет.

Урх усмехнулся:

– Языкастая! Ладно, слушай, про девку рассказывать буду. Зовут Ханной.

Половину нужной информации поведал орк, вторую половину Эллине пришлось вытянуть самой, борясь с бесконечными «не знаю», «не помню» и «хырр, задолбала уже!». Зато мозаика собралась, а в голове возник план действий. Стандартный: поиск – втереться в доверие – обманка – доставка клиенту.

Но всем этим она займется завтра, а теперь снимет закуток, переоденется в чистое и хорошенько выпится после утомительной дороги.

Услышав, что незнакомке требуется кров, пара посетителей проявила подозрительную активность и бескорыстие. Эллина вежливо отказалась и, сговорившись с хозяином «Русалки», получила комнатку на чердаке.

Возвращаться в дождливую темноту не хотелось, но вещи остались в конюшне, пришлось снова набросить плащ и нырнуть в мокрый сумрак осеннего вечера.

Размякшая навозная жижа окончательно испачкала сапоги. Тут уж ругайся не ругайся, а ничего не исправишь, можно не глядеть, куда ступаешь.

Чиркнув пальцами, Эллина осмотрелась в тусклом свете магического светляка и направилась к нерасседланной Звездочке. Она завела ее в стойло, сняла упряжь и тяжелое седло, задала корму.

Сумки бросила на чистую солому, чтобы не запачкались, – одну из них класть в изголовье.

Позабывшись о лошади, Эллина занялась собой, решив переодеться прямо здесь. Посторонних в конюшне нет, а мокрая одежда неприятно липла и холодила тело.

Нагнувшись к седельной сумке, Эллина поняла, что поторопилась назвать место безопасным: кто-то покусился на ее кошелек.

Одной рукой зажимая рот, другой незнакомец тянулся к завязкам на поясе гоэты, желая освободить женщину от тяжести металла. Гоэта же расставаться с ним не желала. Во всяком случае, без борьбы и предъявления серьезных аргументов в виде холодного оружия.

Она одновременно ударила нападавшего локтем в живот и каблуком по коленной чашечке и, вывернувшись, отскочила, заняв боевую стойку. Кинжал, который, в отличие от флиссы^[3], Эллина всегда носила с собой, занял законное место в руках владелицы.

Убедившись, что игра не стоит свеч, разбойник ретировался, в сердцах пожелав женщине удовлетвориться с умертвием.

Что ж, умертвие – не самый худший вариант существа, которого Эллине в сердцах прочили в любовники. Некоторые люди неприятнее нечисти, хотя разгуливать ночью по кладбищу и предлагать себя направо и налево тоже не хотелось.

Хорошо, что этому только кошелек нужен был, а не она сама. Одинокая женщина всегда рискует. Даже она, отнюдь не юная красотка с тонкой талией и пышным бюстом. Случались неприятные прецеденты, но боги миловали. А ведь таких Эллин в королевстве по десять пачек на селение. Но выпивка всех уравнивает в правах.

Не уверенная, что неудачливый вор не караулит у выхода, Эллина пустила впереди себя поисковое заклинание, настроив его на орков. Таковых не обнаружилось, и она благополучно дотащила сумки до снятой комнатухи. Вернее, почти, потому что, возвращаясь за второй,

столкнулась с Гланером.

– Лина, какими судьбами? – непостижимым образом друг умудрялся узнавать ее в любом обличье, даже в темноте.

Эллина тихо выругалась и попыталась бочком проскользнуть внутрь. Куда там! Гланер сгреб в охапку и обнял так, что стало трудно дышать. И, как всегда, не обошелся без традиционного шлепка, от которого она никак не могла его отучить.

– Гланер, сколько раз говорила: не смей! – Эллина, нахмурившись, замерла под скрипящей вывеской.

– Так приятно ж, Лин! Хорошо, в следующий раз ущипну. Или тебя погладить? Ты только намеки, подруга, я всегда к твоим услугам. Могу помочь и ночку скоротать. Заодно узнаю, есть ли у тебя там родинка.

Привыкшая к его шуточкам гоэта в этот раз не выдержала и наградила Гланера звонкой пощечиной. Назвать ее ламией^[4] – это уже слишком! Была бы, давно закусила его суповым набором.

– И все-таки, Лина, как тебя занесло в эту глушь?

Потерев щеку, Гланер закинул через плечо сумку и отнес в комнату. Эллина не возражала, но откровенничать не собиралась. Вот так проболтаешься, а наутро уже без работы. Хоть договор в кармане, орки бумажки ни в медяк не ставят. Бегай потом по судам, доказывай, что жирный отпечаток принадлежит именно Урху.

– Работенку нашла? – догадался Гланер. – Оркову невесту ищешь? Что ж, солнце и звезды в помощь!

Эллине не понравился его тон – самоуверенный, насмешливый. Наверняка что-то задумал! Надо завтра встать пораньше, а то и вправду работу уведет. Прямо сейчас отпраиваться смысла нет: поиск работает только при дневном свете, да и выспаться нужно, сил набраться.

Радовало, что друг соперничал с ней последний год: он подал документы в Университет. Эллина понимала – поступит, собеседование уже прошел, и втайне завидовала. Ей-то вечно быть недомагом, прозябать в тени настоящего колдовства и искать пропавший скот. А Гланер важным станет, получит мантию и возможность не проходить каждую весну процедуру продления лицензии.

Хорошо, наверное, когда у тебя есть семья, которая и словечко нужным людям замолвит, и деньгами снабдит. У Гланера никогда карман не пустовал, и на девочек, и на выпивку хватало. Можно спокойно ездить летом к термальным источникам, наслаждаясь бездельем. А она даже болеть себе не позволяла: конкуренция среди гоэтов высока, за клиентов нужно бороться.

Пару раз Гланер звал ее с собой, но Эллина не любила жить за чужой счет, поэтому отказывалась.

Был у нее, конечно, запас на черный день, хранившийся в эльфийском банке, но гоэта к нему не прикасалась и исправно каждый год пополняла счет. На эти деньги предстояло жить, когда Эллина не сможет работать. Она прекрасно понимала, за одни настойки много не получишь, поэтому хотела обеспечить себе сносную старость. Родных (не по бумажкам) у нее не осталось, тут тоже надеяться не на кого.

Встав на рассвете, Эллина умылась, расчесала и заново уложила волосы и, со вздохом подхватив сумки (в честность трактирщиков и благородство прислуги она не верила),

спустилась вниз.

Только из уважения к роду занятий (хоть и низший, но маг) гоэта удостоилась завтрака – холодных остатков вчерашнего ужина. Зевавшая в кулак подавальщица, разбуженная невежливым пинком в бок, и не подумала их подогреть. За медяк паршивка согласилась напоить постоялицу желудевым кофе, напоминавшим помои, но Эллине сошел и такой, лишь бы проснуться.

На улице было свежо, изо рта шел пар.

Выведя Звездочку из стойла и нагрузив ее нехитрым скарбом, гоэта, сосредоточившись, припомнила, где, по словам орка, жила Ханна.

Поиски необходимо начинать с дома пропавшего человека: там сохранилась нужная энергетика. Как запах для охотничьей собаки, магу нужен пространственный тепловой след человека. Еще лучше слепок с ауры, тогда можно узнать точные координаты, даже увидеть пропавшего, но это большая редкость. Да и в училище таким премудростям не учили, только мельком упоминали: такое возможно.

Дом, как и подобает жилищу зажиточного семейства, оказался крепким, но неказистым.

Стоило Эллине приблизиться, как ее тут же облаяла собака. Успокоив ту сонным печеньем, гоэта спешила. Сосредоточившись на тепловой карте нематериального мира, она обошла дом за высоким забором.

Какие-то отголоски нашлись, оставалось узнать, кому они принадлежали. Холодные, синие – то, что нужно. И энергетические частички не успели раствориться.

Вовремя орк к гоэту обратился, еще часиков пять – и все, пришлось бы октограмму Мерхуса чертить. А где Эллина чистый пчелиный воск и листья лаверики ползучей достанет? Последние израсходовала три недели назад на упыря.

Что потом стало с нечистью, гоэта не знала, зато заплатили солидно – упырь достал своим промыслом сельчан. Наверное, те подкрались всем скопом днем к лежбищу и дружно проткнули кольями, для верности еще серебром лоб прижгли.

След действительно принадлежал девушке, но больше, к сожалению, узнать не удалось. Хорошо, у нее энергетика сильная, а то гоэта и этого бы не прочитала.

Вздыхнув, Эллина мысленно зачерпнула немного синих частиц. Они сформировали блеклый безликий силуэт, и, сжав кулак, гоэта свободной рукой нарисовала на земле круг. Поделив его на четыре части, обозначив их в соответствии со сторонами света, она осторожно выпустила добычу, прочитав поисковое заклинание на имя Ханны. Оно сработает, если след действительно принадлежит ей.

Стоя на месте пересечения линий в центре круга, Эллина слегка покачивалась, пытаясь уловить движение воздуха. В идеале ее поведет в нужную сторону, но для этого нужно наладить контакт с даром, а таковым она, увы, не обладала. Все, чего добилась в мире магии, – исключительно заслуга упорства и трудолюбия. Нет, конечно, что-то у нее было, иначе бы в училище не взяли, но слабенькое, неразвитое.

Стихия Эллины – земля. Гоэта проходила в свое время тестирование, но пользы из этого извлечь не могла. Ей бы персонального наставника, но, увы, такие преподают исключительно в Университете. А в училище – один маг третьей степени на тридцать человек. И ему глубоко плевать на дар учеников, лишь бы программу выполняли.

Несколько минут ничего не происходило. Эллина засомневалась, принадлежит ли силуэт Ханне. Может, в доме жила еще одна девушка сходного возраста, которую тоже куда-то увезли? Служанка там или сестра.

Волнение заставляло еще больше сосредоточиться, чтобы не пропустить нужный знак.

Сейчас выглянет кто-нибудь из обитателей дома и поинтересуется, какого рогатого демона она тут делает.

А потом Эллину осенило: ответа нет, потому что кто-то уже обращался к энергетическим частицам. Этот способ срабатывает только один раз.

– Ну, Гланер, найду – убью! – сквозь зубы прошептала гоэта, торопливо стирая круг и пометки на нем.

Вот к чему были пожелания удачи! Встал затемно, а то и ночью сюда наведалься и покусился на кровные подруги. Гланер ведь сильнее, больше заклинаний знает. Ничего, еще неизвестно, кто кого! Сейчас она отъедет подальше от людских глаз и начертит Большой круг.

С духами Эллина общаться не любила, хотя они снабжали самыми точными и полными сведениями. Главное, хорошо задобрить. Единственная проблема – никогда не знаешь, чего им захочется в обмен на услугу.

И правила безопасности следует соблюдать, а то утащат в свой мир.

Как и всякое нормальное живое существо, Звездочка духов боялась, поэтому Эллина благоразумно привязала ее в подлеске, а сама, не переставая поминать всех близких и дальних родственников Гланера, направилась на поиски подходящей полянки.

На всякий случай гоэта нащупала под рубашкой амулет и разрешение на работу во внутреннем кармане. Первый – для защиты от нелюдей, второе – для представителей одной с ней расы.

Чем дальше от города, тем народ невежественнее. Любой знак на земле начертил – уже некромант. И невдомек им, что некроманты – редкий вид, их по-своему беречь нужно. Одного Эллина знала лично. Пожалуй, даже слишком близко. Обаятельный, стервец, как и все темные!

Давно дело было, она только-только училище закончила... Первая работа, сразу лицом к лицу с некромантом. Перепугалась жутко!

Отогнав посторонние мысли, Эллина очертила вокруг себя двойной круг: первая линия – сплошная, вторая – волнистая. В центре положила камушек, направления сторон света обозначила ветками. Затем вытащила накопитель магической силы (гоэту без него никуда, ведь подпитки от дара нет) и в задумчивости провела по нему пальцем.

В последний раз общение Эллины с духами чуть не окончилось тюрьмой: они зачем-то потребовали украсть черного борова старосты. Гоэта пыталась их отговорить, предложила купить другую свинью, но духи остались непреклонны. Пришлось переквалифицироваться в воровку. Не окажись в карманах сонного печенья, судили бы показательным судом и лицензию отобрали. К счастью, обошлось.

Сосредоточившись, гоэта сжала накопитель в ладонях, постаравшись сосредоточиться на призывном заклинании. Закрыла глаза, представив начертанную на земле волнистую линию, и, глубоко вздохнув, активировала накопитель. Он тут же наполнил руки золотистым свечением.

Энергетика у накопителя положительная, поэтому он не охлаждал, а согревал мягким, ненавязчивым теплом, сияющими нитями перетекавшим в пальцы, образуя на коже замысловатые узоры.

В юности, когда Эллина только-только поступила в училище и впервые увидела накопитель в действии, она восхищалась рисунками магии, считая их самыми красивыми

вещами на свете. Восторг только увеличился, когда она узнала, что узоры индивидуальны. У мужчин – штрихи и фигуры, а у женщин – спирали и стилизованные цветы.

Потом накопители стали обыденностью, и Эллина утратила интерес к волшебной живописи. Да и уловить ее трудно: рисунок исчезал через пару мгновений.

Расцвечивали кожу только базовые накопители. Они находились в свободной продаже и были доступны любому, кто обладал правом на магическую деятельность хотя бы низшей, пятой степени. Кроме них, существовали и другие, гораздо более сложные. Они обладали не только огромной магической силой, которой иногда хватило бы на несколько поколений волшебников, но и мгновенно активировались по мысленному приказу хозяина без всяких внешних эффектов. Максимум – вспышка света.

В таких накопителях, нередко родовых реликвий, которые не раз становились причиной насильственной смерти и несчастных случаев (большая сила требует бережного обращения), могла храниться не просто чистая, неоформленная магия, но и заклинания. Обычно не более двух видов и в количестве меньше пяти.

Опытные маги предпочитали не экспериментировать с накопителями и пользовались специально созданным для колдовских плетений артефактами, заточенными под определенное действие. Те не взрывались от завихрения разнонаправленных магических потоков (такое случается, если в чистую магию необдуманно влить разнонаправленные заклинания или просто переборщить с пропорциями) и обладали неограниченным сроком действия.

Обо всем этом Эллина читала в книгах. Хорошо или плохо, но в училище ни у кого, даже у преподавателей не было уровневых накопителей, только базовые.

Почувствовав, что достаточно подпиталась силой, гоэта дезактивировала накопитель и мысленно начертила руну призывного заклинания. Потом постаралась отрешиться от окружающего мира, ощутить бесконечную бесформенную пустоту и послала зов, невидимой мелкой серебристой пылью рассыпав слова по пространству.

Отклик в виде сгустка серой ауры пришел через считанные мгновения. Потом еще и еще – и вот уже пустота наполнилась десятками серых пятен.

Эллина открыла глаза и убедилась: вокруг полно духов. Они, безусловно, бестелесны и обычно неразличимы, но только не для магов, которые умеют видеть и чувствовать потустороннее. У кого-то это с рождения, у кого-то, как у гоэты, вырабатывается во время учебы.

Выбрав среди духов самого, на ее взгляд, достойного и рассудительного, Эллина обратилась к нему с просьбой подсказать, где сейчас Ханна. Ответ получила стандартный: «Мы не обязаны выполнять твою работу, магичка».

Духи метнулись к Эллине, стремясь прорвать защитные линии кругов, отыскать в них лазейки и унести в свой мир дерзкую нарушительницу спокойствия. Но гоэта все сделала правильно: наглухо замкнула контуры и создала вокруг себя безопасное пространство.

Успокоившись и поняв, что просьбу Эллины придется удовлетворить, тени выдвинули условия: они хотели, чтобы гоэта станцевала танец с оружием.

Духи откровенно потешались над босой Эллиной. Ежась от ветра, без верхней одежды, она плясала на раскисшей земле, пытаясь не пораниться о положенные крест-накрест кинжал и флису. Ножны с последней обычно болтались поверх вещей в седельной сумке – теперь пришлось достать.

Эллина не раз слышала от Гланера: когда-нибудь беспечность может стоить ей жизни,

но носить флиссу на себе категорически отказывалась. Во-первых, она женщина, во-вторых, не боевая магичка, в-третьих, неудобно и людей пугать не хочется. Была бы ее воля, флисса так бы и осталась в оружейной лавке, но одной и безоружной не больно-то по городам и весям поездишь.

Флиссу гоэта выбирала по весу и красоте, а вот с удобством вышли проблемы – рука соскальзывала с рукояти, пришлось просить кузнеца сделать крестовину.

Наконец, духи решили, что с них достаточно развлечений, и взялись за дело, приведя в действие разложенные в соответствии со сторонами света камни. Запыхавшаяся Эллина внимательно следила за их перемещениями.

Сначала на запад, потом на северо-запад.

Перед тем как сместить камень севернее, тени заставили его трижды подпрыгнуть. Значит, до поворота три мили. А уже дальше придется полагаться на саму себя.

Поблагодарив духов, гоэта отпустила их. Немного покружив, они разлетелись.

На всякий случай проверив, не осталось ли кого, Эллина стерла круги, разомкнув цепочку заклинания, и, уже обутая и одетая, направилась к Звездочке.

На запад вела всего одна дорога, проселочная, одна из таких, по которым не проедешь без того, чтобы не помянуть всех родственников лесных обитателей.

Трусая по ухабам и с тоской констатируя, что простуда от танцев на холодной воде разыгралась снова, Эллина извлекла из сумки карту. Гоэта пыталась понять, куда направляется орочья невеста. Потенциальная невеста, потому что семейство Ханна не отдаст ту за орка-полукровку. Сами они, насколько поняла Эллина, состояли в родстве с гномами – значит, родные расчетливы и бережливы. Урх же жених незавидный, с сомнительной репутацией, раз для сватовства гоэта нанял. Разбойничает, наверное. Оттуда и чекушки в карманах.

Дорога вела к торговому тракту, который, в свою очередь, выводил к единственному на всю округу городку, стоявшему на берегу той самой реки, в которой искупали Эллина. Дальше шли обжитые земли, населенные людьми.

Как и обещали духи, через три мили пришлось свернуть на северо-запад, на тот самый тракт. Тут уже и дорога шире, и в одиночестве не помечтаешь: то повозку пропустить придется, то пешего, бредущего по обочине. Не так оживленно, как в центральных землях королевства, но и не так тоскливо, как на проселках.

Эллина знала, в таких делах не стоит проявлять гордость и самостоятельность, и не чуралась расспрашивать встречных о Ханне. За полчаса встретила пятерых, что-то путное рассказали двое: видели на постоялом дворе каких-то людей с девушкой подходящего возраста.

Пустив Звездочку легким галопом, гоэта придумывала предлог, под которым присоединится к честной компании. Через пару часов она должна их догнать, если, разумеется, Эллина правильно рассчитала время отъезда и скорость передвижения.

Часа через два она добралась до постоялого двора, но Ханна там, увы, не застала. Впрочем, гоэта и не надеялась: спешным образом покинувшие дом люди не прохлаждаются в пути.

Поболтав с хозяином за кружкой эля (холодный завтрак успел уже испариться из желудка, поэтому Эллина пообедала и выпила порошок от простуды), гоэта выяснила, что девушка путешествовала с тремя мужчинами. Один уже в возрасте, очевидно, отец Ханна, двое других – либо братья, либо нанятые охранники. Как и предполагала Эллина, во всех

текла гномья кровь, но сильно разбавленная. От предков четверка сохранила коренастость, рост ниже среднего и буйную растительность на лице. Во всяком случае, у мужчин – все трое были с бородками.

Уехали с час назад, плотно перекусив. Значит, догонит. Свернуть с дороги некуда, до ближайшего ответвления миль шесть, деться им просто некуда.

Они и не делись.

Эллина наткнулась на них совершенно случайно, обратила внимание на кружащее в воздухе воронье и подозрительно близко подобравшихся к дороге волков. Непорядок – сейчас не зимняя бескормица, в лесу полным-полно еды.

То, что привлекло внимание зверей, находилось в пролеске.

На всякий случай достав флиссу и мешочек с толченым перцем (лучше заклинаний помогает, если по воздуху распылить или бросить щепотку в глаза), гоэта осторожно свернула с дороги, с тоской проводив скрывающуюся за поворотом телегу.

Как-то тихо здесь, будто не тракт. А ведь совсем недавно люди попадались.

И атмосфера гнетущая. Хотя это все волки.

Звездочка всхрапывала, с неохотой продвигаясь в сторону леса. Эллина машинально поглаживала ее между ушами, а сама прислушивалась, стараясь уловить малейший шорох, почувствовать опасность до того, как та обрушится на нее. Одна рука сжимала повод, другая – флиссу.

Появление всадницы спугнуло ворон. Они с громким карканьем разлетелись по окрестностям.

Подозрительно замолчали волки.

Эллине стало не по себе, почудилось нечто тревожное, какие-то непонятные отголоски. Она попыталась определить, были ли они магического происхождения, но частички в воздухе оказались столь малы, что даже обнаружить их удалось с трудом. Пара минут – и они вовсе испарились, оставив после себя звенящую тишину.

В подлеске заржала лошадь. Край повода зацепился за ветку елочки, не позволяя уйти.

Гоэта спешила, тщательно привязала Звездочку, начертила вокруг нее круг, защищавший от лесных тварей, и только потом осторожно подошла к испуганному животному. Оно подпустило к себе со второй попытки, после съеденного лакомства – заваливавшегося в кармане яблока.

Пока лошадь хрустела «дичком», Эллина внимательно ее осмотрела – никаких повреждений. Упряжь, седло – обыкновенные, без всяких знаков. В переметной сумке – смена мужского белья, немного провианта, личные вещи.

Чутье подсказывало, самое интересное ждет впереди, только вот смотреть на это почему-то хотелось в компании солдат местного гарнизона.

Раздвинув ветки, Эллина углубилась в лес и вскоре наткнулась на первый труп. Мужчина. Моложе ее. Лежит лицом вниз. По описанию схож с одним из спутников Ханны.

«Похоже, плакали мои денежки! – пробормотала гоэта, ногой перевернув тело. – Странно, никаких ранений не видно. И магии не чувствую. Не от сердечного же приступа умер!»

Пройдя немного вперед, она обнаружила Ханну. Та оказалась полноватой рыжеволосой девушкой с красивыми пухлыми губами. Рот приоткрыт, глаза какие-то странные, стеклянные, без всякого выражения. А ведь хотя бы ужас или удивление должны были остаться.

Присев на пень, Эллина нанесла на карту место, где обнаружила трупы. Остальных двоих искать не стала ни среди мертвых, ни среди живых – не ее забота. От нее требуется заехать на ближайший гарнизонный пост и сообщить о несчастном случае.

Мучил вопрос, куда делся Гланер. Нужно отыскать его, расспросить. Он наверняка видел больше Эллины. Если, конечно, именно Гланер побывал до рассвета у дома Ханны. Хотя кто еще, если не он?

С Гланером Эллина столкнулась на крыльце гарнизонного поста в ближайшей крупной деревушке.

– Ты тоже видела? – сдвинув брови, поинтересовался он, даже не скрывая, что перехватил чужой заказ.

– Ну, ты и свинья, Гланер! – выдохнула гоэта, еще не решив, как поступить с вероломным другом. – Нагло украл мои деньги!

– Лин, не кипятись! Что поделаешь, если орк недолюбливает женщин? Да и деньги мы оба не получим. Невеста-то того! Предположения есть?

Эллина покачала головой.

– Как понимаю, солдат уже вызвал?

– И судебного. Там что-то странное было, Лин, нужно в Университет написать.

– Пиши, – равнодушно ответила гоэта, ища глазами место, где бы присесть.

Она не любила загадок и не горела желанием докопаться до сути таинственных смертей. Тут дела магии высшего порядка. Можно, конечно, навязаться добровольной помощницей к судейским, но толку-то? Рекомендацию в Университет все равно не дадут, зато здорово понизят самооценку. Что поделаешь, не умеет она прогибаться, хотя в команде не раз работала успешно.

Урха смерть Ханны расстроила, но не настолько, чтобы расщедриться на оплату услуг гоэтов. Правда, по медяку он им выдал – на помин души покойной.

Глава 2. Городские будни

Эллину разбудила утренняя перебранка соседок.

Заерзав на постели, она приподнялась и поняла, что вчера забыла раздеться. Еще бы – устала как собака, вымокла до нитки, сил едва хватило на то, чтобы поставить Звездочку в стойло. Даже ужинать не стала, хотя, что бы она поела, если отпустила прислугу на время поездки в Рамит? Столько времени на нее убила – и все впустую.

Тех медяков, что дал Урх, не хватило бы и на плохонький обед в трактире, так что гоэта с чистой душой оставила их в одном из храмовых прудов, пробормотав перед этим молитву об упокоении души несчастной Ханны. Жалко все же ее, такая молодая была...

Эллина надеялась, что монеты дойдут до богов, придав веса просьбе о даровании покоя усопшей, а не осядут в карманах священников. А ведь они могут неплохо наживаться на верующих, по традиции моля или спрашивая о чем-то небожителей, бросающих деньги в храмовый пруд.

А Гланер, разумеется, деньги пропил. Заказал на них пинту эля.

Перебранка не прекращалась, вынудив Эллину встать, умыться, перебраться на кухню и заняться приготовлением завтрака.

Без кухарки, да еще спросонья гоэта не рассчитывала начать день с чего-то вкусного, вроде блинчиков с земляничным вареньем, и терпеливо поджаривала на сковороде традиционный «завтрак холостяка» – яичницу. Если добавить в нее мелко порубленные кусочки окорока, получится неплохо, даже вкусно.

Эллина никогда не была хорошей хозяйкой, хотя готовить умела и успешно обходилась без Урсулы – своей кухарки и по совместительству горничной. Что поделаешь, Сатия – город дорогой, а заработок гоэты непостоянен, штатом прислуги не обзаведешься. Но возвращаться на провинциальную родину Эллина не желала: там заказов точно не будет, да и умереть от тоски недолго.

Родные? Остался кое-кто, но недостаточно близкий, чтобы стремиться воссоединиться с семьей. Еще вечно деньги в долг брать начнут, полагая, что раз низший маг (недомаг, по-народному), то золота куры не клюют.

Нет, Эллина ни капельки не жалела, что когда-то, будучи шестнадцатилетней девчонкой, стащила свою метрику и убедила опекуна, своего отчима, отпустить ее в училище. Мать, разумеется, была против, хотя в их семье и были гоэты – двоюродный брат Эллина, старше ее на десять лет. Он-то и увлек девочку рассказами о привольной жизни.

Вступительные испытания (беседу и пару заданий на выбор экзаменатора) Эллина сдала, хотя и не без проблем, оказавшись третьей с конца в списке принятых на обучение.

Училище находилось не в Сатии, втором по величине городе королевства, а в пригороде столицы, тихом, сонном, где бы ничто не отвлекало учеников от занятий. Но они, как водится, учебу не жаловали, радостно оккупируя ближайшие кабачки. Разумеется, совершеннолетние. Несовершеннолетних за пределы территории не выпускали, так что тут приходилось полагаться на милость старших товарищей.

Впрочем, с теми, кто услаждал свой желудок вином и элем, быстро расставались: почти все кандидаты в гоэты обладали слабо развитым даром, поэтому без ежедневных практических занятий сдать экзамены было трудно. Преподаватели с радостью отчисляли отстающих: чем меньше учеников, тем меньше головная боль.

В отличие от Университета дисциплина на занятиях была жесткая, а материал объяснялся один раз. Преподававшие в училище маги с правом работы третьей степени (он же – уровень допуска) не утруждали себя повторением, предпочитая придумывать для отстающих домашние задания-наказания. Эллина тоже их получала, почти весь первый год просидела с пробирками и тряпкой в руках, но как-то справлялась.

Кто не справлялся, получал еще одно задание – и так до пяти за триместр. Затем преподаватель успокаивался до экзамена, чтобы с безразличным видом выслушать что-то невразумительное от отстающего ученика и поставить перед учебным советом вопрос о выполнении им программы курса. Обычно после этого бедолагу исключали за непригодность.

На последних годах обучения, правда, было иначе: за каждого отстающего после каждого триместра, кроме последнего, третьего, учитель получал минус от директора, отражавшийся на традиционной денежной прибавке ко Дню весеннего (или зимнего) солнцестояния. Нужно ли говорить, как после этого преподаватель относился к нерадивому оболтусу? Такие годовые экзамены не сдавали. А несдача годового экзамена в отличие от семестрового приравнивалась к немедленному отчислению с обязательством вернуть училищу деньги потраченные на питание и обучение за год.

По окончании училища Эллина не подалась в лежавшую всего в паре миль столицу, а предпочла переехать в Сатию – не менее крупный, зато более дешевый город, где еще сохранились шансы найти хоть какую-то работу. Она не заставила себя ждать – помог один из преподавателей, которому, вопреки логике, девочка без особых способностей нравилась.

Задание оказалось непростым, потребовавшим работы в команде и изменения некоторых принципов, зато принесло деньги, на которые Эллина начала обустривать свою жизнь в Сатии.

На этот дом она копила четыре года, до этого перебивалась по съемным углам. Но с опытом и сложившейся репутацией заработок стал стабильнее и позволил повесить на столбе у калитки двухэтажного коттеджа в квартале, населенном представителями второго сословия среднего достатка, скромную жестяную табличку со своим именем.

Позавтракав и вымыв за собой посуду, Эллина нагрела воды, смыла с себя дорожную грязь и отправилась работать. Сегодня предстояло зайти к аптекарю, узнать, не спрашивал ли кто того, что там не продают, а потом посидеть часик-другой на постоялом дворе «Белая мышка» – негласном сборище гоэтов округи. Там они узнавали последние новости и, соответственно, возможных заказчиков их услуг.

Уходя, Эллина прихватила с собой баночку с кремом от оспин, чтобы отдать аптекарю, невесть где выискивавшему человека, которому понадобилась подобная вещь.

Аптекарь платил за нее чекушку, а продаст наверняка дороже, но гоэту это не волновало – от любых денег не отказываются.

На всякий случай прикрепила записку с указанием, где ее можно найти, – она не дипломированный маг, чтобы разбрасываться клиентами. И самой нужно жить, и прислуге (кухарке и приходящему конюху) платить.

С настоящим магом Эллина нечаянно столкнулась на улице: тот о чем-то спрашивал прохожего.

Почувствовав на себе любопытный взгляд гоэты, с интересом рассматривавшей и незнакомца, и его коня, и отличительную вышивку на плаще, наносившуюся с помощью колдовства, маг на миг прервал беседу, одарив ее мимолетным взглядом и снисходительной

усмешкой. Разумеется, маги гоэтов не жаловали, но и не чинили препятствий в работе, не считая конкурентами.

Эллина сдержанно ему поклонилась и пожелала доброго дня.

Кивок ей вернули – она женщина, он мужчина, – но не более. Ответного пожелания не последовало. Впрочем, гоэта его и не ждала.

В «Белой мышке» было малоллюдно – слишком рано для любителей эля, и Эллина без труда заняла местечко у стойки, аккуратно расправив подол, чтобы не торчали оторочка нижней юбки и не слишком чистые ботинки. Что поделаешь, на улице осень, а подъездную дорожку она никак не приведет в порядок, да и на мостовой лужи встречаются.

Хозяин, добрый ее знакомый, тут же предложил выпивку за счет заведения, но Эллина до вечера не пила, разве что погода или болезнь заставят, поэтому отказалась, попросив кофе с молоком.

Пока служанка варила ароматный напиток, взглянула на себя в зеркальце и со вздохом припудрила нос.

Эх, была бы она симпатичнее и моложе... Хотя тогда бы ее всерьез не воспринимали и звали совсем для других целей. Впрочем, такое в ее практике случалось, приходилось объяснять, что удар в пах – это больно, а разрешение на работу она не в постели директора училища нашла. Но, что греха таить, бывало пару раз, что отношения с клиентами перетекали в другую плоскость – все же люди, и ей тоже может кто-то нравиться. И она – хоть и не красавица, но уродкой не назовешь. Заурядная, только и всего.

Эллина мелкими глотками пила кофе и слушала хозяина, делившегося последними новостями, сплетнями и предложениями работы. Все до боли банально, но уж какие есть. К примеру, с утра купец первой гильдии искал кого-то, кто мог перевести бумагу с одного из «мертвых», то есть не используемых в быту, языков. Ими пользовались законники, врачи, аптекари, ученые и маги. Очевидно, речь о каком-то договоре.

Перевод – дело хорошее. Плата – за каждую строку, исчисляется в зависимости от срочности.

С языками у гоэты было неплохо, поэтому она решила взяться, пока кто-то другой не перехватил.

Уже на пороге Эллина столкнулась с мужчиной приятной, солидной наружности, разыскивавшего гоэта.

Предупредив порывистое движение своего коллеги, заседавшего с другой стороны барной стойки, она поспешила предложить свои услуги. Профессиональное чутье подсказывало, что тут пахнет деньгами, и не чекушками, а полноценными лозенами.

– Чем могу быть полезна господину? – приветливо улыбнулась гоэта. – Надеюсь, смогу вам помочь.

– Мне нужен был гоэт, – мужчина внимательно рассматривал ее.

– Он перед вами.

Эллина с готовностью извлекла из внутреннего кармана пальто (в городе она одевалась, как и пристало женщине среднего достатка) разрешение на работу и продемонстрировала его посетителю. Он тщательным образом изучил лицензию и предложил присесть, чтобы изложить проблему.

Судя по выражению лица, незнакомец предпочел бы иметь дело с представителем своего пола, но не посмел отказать даме.

Эллина присела за галантно отодвинутый для нее стул и выслушала суть поручения.

Коротко и по делу.

Человек, представившийся господином Нардегом (гоэта догадывалась, что фамилия вымышленная, а сам потенциальный клиент – не обитатель этого квартала), хотел, чтобы она ненадолго поселилась в его доме и расставила охранные заклинания (самое сложное и трудоемкое из умений низших магов).

Эллина согласилась.

Выдержав паузу, заказчик добавил, что это еще не все. Он подозревал, что кто-то из домашних пытается его отравить, и просил проверить, оправданы ли его опасения.

Гоэта, нахмурившись, потерла пальцем переносицу. Нет, вовсе не потому, что сомневалась в своих способностях, а потому, что догадывалась, какая реакция ожидает ее со стороны неудавшихся отравителей, если господин Нардег не страдает паранойей. Кстати, неплохо бы узнать, кто он на самом деле.

Вопросительные взгляды через плечо на хозяина не помогли: тот лишь разводил руками. Значит, точно не из их квартала, а то бы либо она, либо владелец «Белой мышки» узнали его.

Повторный осмотр ничего не дал – добротная обычная одежда, без всяких знаков гильдий, нашивок, эмблем. Пальцы в перчатках, так что, увы, наличие перстня не проверишь.

Видя, что гоэта колеблется, заказчик назвал цену, которую готов заплатить. Двадцать лозенов и полный пансион.

Сомнения сейчас же отпали – коллеги за такие деньги удавятся.

Эллина согласилась, но потребовала заключить договор – так надежнее, не приворотное зелье же! Хотя (гоэта никогда этого не скрывала) за последним к ней лучше не обращаться: получалось один раз из десяти. Что поделать, издержки образования! Проходили только в теории в составе длинного перечня всяческих снадобий. И внимание, разумеется, уделялось вещам полезным, вроде заживителя ожогов или мази от облысения.

Господин Нардег не стал возражать, велел принести письменные принадлежности, и размашистым почерком привычно набросал на листе второсортной серой бумаги требуемый документ, прописав все обязательства сторон. В нем также были упомянуты суммы общего вознаграждения и аванса гоэты.

Эллина с нетерпением ожидала, когда он поставит подпись, – она должна быть подлинной. Нет, расписался за Нардега какой-то закорючкой.

А перчатки так и не снял.

Экзема у него или действительно скрывает перстень? Аристократ? Тогда почему обратился не к магу?

Мучаемая вопросами, Эллина прочитала договор, расписалась возле своего имени и, свернув, убрала бумагу во внутренний карман.

Заказчик вытащил кошелек, отсчитал аванс и протянул ей. Четверть оговоренной суммы. Щедро.

– Что ж, многоуважаемая госпожа Эллина, жду вас в три часа пополудни на углу Тенистой улицы и Аптекарского переулка, – поднимаясь, произнес господин Нардег и, поцеловав даме руку, удалился, оставив после себя привкус недоумения.

Гоэта проводила его взглядом, затем подошла к заметно погрузневшему коллеге, поздоровалась и поинтересовалась, не знает ли тот ее клиента. К сожалению, гоэт его никогда не видел и высказал те же предположения, что и Эллина: кто-то из знатных и богатых.

Гоэта корила себя, что не проследила, не вышла посмотреть, не ждет ли господина

Нардега слуга, конь, а то и карета. Но этот пробел она с успехом восполнила с помощью мальчишек, затеявших игру в разбойников на противоположной стороне улицы. Те в один голос утверждали, что вышедшего из «Белой мышки» человека никто не ждал и что направился он в сторону храма.

Поборов желание потратить драгоценные силы на поисковое заклинание, Эллина вернулась домой, чтобы к трем часам быть во всеоружии.

Взяла сумку с баночками с агатовый пылью и прочими субстанциями для изготовления противоядий, походной ступкой, замусоленной до неприличия собственной книгой записей и, разумеется, хрустальный амулет на простом кожаном ремешке, ни разу не подводивший при определении наличия яда. Затем послала записку Урсуле с просьбой присмотреть за домом, привела себя в порядок и в половине третьего оседлала Звездочку: хоть она и дама, не стоит заставлять себя ждать, лучше подождать самой.

Сидеть в дамском седле Эллина отвыкла, поэтому только радовалась, что не поддавалась соблазну задержаться, апеллируя к тому, что место встречи всего в десяти минутах ходьбы от ее дома.

Разумеется, лошадь можно было бы оставить, но гоэта не знала, где живет заказчик, и не желала рассчитывать на его любезность. В конце концов, он не обязан ни подвозить, ни отвозить ее. Да и вдруг повздорят, а живет он за чертой города?

Как оказалось, старалась она зря: господин Нардег явился пешим, поэтому гоэте поневоле пришлось спешиться с его помощью – мужчина галантно протянул руку. Заверил, что в лошади нет никакой необходимости, и отослал ее обратно вместе с каким-то человеком, которого назвал своим слугой.

– Тут недалеко, госпожа Эллина, я не утружу ваши ноги, – улыбнулся он, забирая сумку.

Действительно, недалеко – на границе кварталов, в самом начале Тополиного проезда их ожидала скромная легкая повозка, запряженная парой гнедых лошадей в такой же скромной упряжи.

Если господин Нардег что-то и скрывал, то все предусмотрел: экипаж был наемным.

Заметив, что Эллина внимательно рассматривает повозку, наниматель поинтересовался, все ли в порядке. Гоэта смутилась, кивнула и, мысленно обругав себя за выказанные столь открыто подозрения, села в экипаж. Господин Нардег устроился рядом. Адреса вознице не назвал. Судя по тому, что извозчик его и не спрашивал, они обо все договорились заранее.

Лошади затрусили по Тополиному проезду. Копыта дробью дождя прошлись по мосту, немного сбавив ход, простучали мимо одного из храмов и разошлись во весь дух.

Хорошо ориентируясь в Сатии, Эллина старалась отследить путь передвижения, но, очевидно, возница получил четкие указания петлять, как заяц. Экипаж то углублялся в торговые кварталы, то сворачивал на периферийные улочки квартала магов, а потом и вовсе покатился вдоль стен замка – самой старой части города, из которой он, собственно, и возник. Сейчас за мощными каменными стенами заседали чиновники.

– Простите, госпожа Эллина, но я вынужден попросить вас об одном одолжении, – господин Нардег извлек из-за пазухи черный шелковый шарф и протянул гоэте.

– Послушайте, господин, это переходит все границы! В договоре не было ни слова о том, что меня привезут в дом подобным образом, – возмутилась гоэта, велев остановить экипаж и решив сойти.

Но господин Нардег удержал ее, набросил еще пару лозенов сверх оговоренной платы.

– Госпожа Эллина, у нас есть два варианта: либо вы даете мне честное слово хранить

подробности поездки в тайне и не задавать лишних вопросов, либо согласитесь надеть этот шарф.

– Кто вы? – гоэта пристально вгляделась в лицо заказчика. – Правду, господин Нардег.

– Разве я плачу вам за эту правду? – усмехнулся он и, неожиданно порывисто наклонившись к ней, временно лишил зрения при помощи невесомого шарфа, приятно холодившего кожу.

Предупреждая бурные возражения Эллины, господин Нардег зажал ей рот рукой и обнял, фиксируя руки.

– Успокойтесь, госпожа Эллина, даю слово, что намерения у меня сугубо деловые. Пожалуйста, не кричите, сидите прямо. Около дома я сниму с вас повязку. Поверьте, так нужно.

Он отпустил ее, отсев подальше.

Гоэта несколько раз возмущенно вздохнула, но промолчала.

Некоторые заказчики бывают со странностями. Хочется ему сохранить свой дом (а, скорее всего, не свой, а дом любовницы) в тайне – пусть так и будет. Лишь бы только оказался аристократом, а не ненавидящим магов всех мастей неврастеником или кем-то из темных. Они ведь неуравновешенны, перенимая черты существ, с которыми общаются, и вынуждены постоянно «сбрасывать» переизбыток энергии. Не все, разумеется, и не всегда.

Вот этого Эллина и боялась – попасть в руки к темному в период обострения. Тогда они становятся нелогичными и непредсказуемыми, во всяком случае, так говорили преподаватели в училище на обзорном курсе по видам магии.

Впрочем, одного некроманта она встречала и могла подтвердить, что его настроение и душевное равновесие зависели от баланса энергии в теле. Поддерживал он его достаточно простым, но действенным способом.

Но опасения Эллины оказались напрасны: господин Нардег привез ее в один из богатых кварталов Сатии.

Экипаж остановился возле каменного трехэтажного особняка, и спутник гоэты поспешил освободить ее от повязки.

Первым делом Эллина осмотрелась, убедившись в правдивости своих первоначальных предположений. Подобный особняк мог позволить себе только представитель первого сословия либо очень влиятельный выходец из второго.

Господин Нардег помог гоэте сойти на мостовую, забрал с сиденья ее сумку и расплатился с извозчиком.

На дребезжание дверного колокольчика вышел слуга, придержал перед ними дверь и принял у хозяина сумку гоэты.

– Приготовь госпоже Эллине комнату. Она ни в чем не должна нуждаться. В разумных пределах, разумеется.

Господин Нардег наконец-то снял перчатки. На пальце блеснуло перевернутое то ли камнем, то ли печаткой вниз кольцо. Гоэта не успела его рассмотреть.

– Полагаю, мне надлежит величать вас «благородным сеньором»?

Эллина отдала пальто и шляпку слуге и машинально взглянула на свои ботинки: не запачкались ли? Не хотелось испортить паркет и ковры уличной грязью. К счастью, в прихожей нашелся коврик, о который можно было обтереть подошвы.

– Как вам будет угодно, я не настаиваю, – пожал плечами заказчик. – Полагаю, сегодня же вы сможете начать установку заклинаний. Ужин – ровно в восемь. Я не буду делать

секрета из вашей профессии, но упомяну лишь о первой части вашей работы. Вторую вы должны проделать в тайне.

Гозта кивнула и проследовала за подроспевшей служанкой наверх, в приготовленную для нее комнату. Она оказалась небольшой, с минимумом необходимой мебели, но ничуть не уступала спальне Эллины в собственном доме. Более того, многих вещей у нее не было, к примеру, этого большого напольного зеркала.

Исследовав свое временное пристанище, Эллина занялась делом: открыла сумку и извлекла из нее книгу с записями (к сожалению, сложные заклинания гозта на память не знала) и волшебную палочку – обыкновенный кусок дерева со вставками металла для непосвященных и простенький артефакт-усилитель для прочих. Ее она купила четыре года назад, убедившись, что без палочки охранные чары выходят непрочными – опять-таки сказывается полная неразвитость дара. Заработки сразу же ощутимо выросли, а конкурентов стало меньше.

Особняк был большой, а требовалось замкнуть контуры на всех оконных и дверных проемах, скрепив их точно выведенным охранным заклинанием, наложенным на начертанный рукою гозта в неприметном месте специальный знак.

До ужина Эллина успела обойти только половину первого этажа, стараясь игнорировать настороженные взгляды прислуги. Но, видимо, те получили четкие указания от хозяина не препятствовать работе гозты.

Перед ужином Эллина зашла на кухню проверить еду на наличие яда.

Кухарка, разумеется, была против, устроив бурное выяснение отношений с гозтой, посмевавшейся усомниться в качестве еды. Но Эллина к такому привыкла, поэтому половину пропустила мимо ушей, на другую половину ответила в том же тоне, пригрозив пожаловаться хозяину дома, что та препятствует работе гозты.

Женщина сразу ступевалась, насупилась и набросилась с руганью на помощницу.

Хрустальный амулет показал, что еда безопасна: ни разу не зазвенел, не потемнел.

Что ж, яд можно подсыпать и после.

Поднявшись к себе, Эллина наскоро подкрасилась, заново причесалась и спустилась в столовую, гадая, кого там увидит.

За столом сидели четверо: двое мужчин и две женщины, одна – в возрасте.

Господин Нардег переоделся, но ничем, кроме кольца, пока не выдавал своего происхождения. Да и кольцо – тоже не показатель дворянства, особенно если не рассмотреть, есть ли печатка. Перстни носят не только аристократы, но и судебные, чиновники, маги, наконец. Но, несомненно, кто бы он ни был, этот человек уважаемое и богаче гозты, намного богаче.

Эллина задумалась: как бы проверить, не подсыплет ли кто-нибудь яду заказчику, скажем, из специального перстня, не привлекая внимания. Ее ведь посадили на дальнем краю стола, отдельно от остальных. И ближе к выходу – подчеркивали статус.

Гозта представилась, отвесила легкий поклон мужчинам и сделала реверанс женщинам, в это время лихорадочно придумывая решение проблемы.

Пальцы нервно перебирали мешочек с агатовой пылью.

Кристалл висит на шее, но не станешь же прикасаться им ко всем яствам в тарелке господина Нардега? И опускать в вино...

Но, пожалуй, кое-что она сделать может – распылить щепотку порошка, будто для отпугивания злых духов, и попросить агат окрасить черным отравленную субстанцию. К

счастью, просьба выводится с помощью рун, а не слов.

Это все, что гоэта может сделать в сложившейся ситуации.

Естественно, действия Эллина вызвали гримасу недовольства на лицах присутствующих, только хозяин хранил равнодушное выражение лица, очевидно, понимая, что гоэта не просто так распыляет странный состав над столом.

Но Эллина знала, что выбранный способ не защитит от отравления: порошок осел на тарелках, став невидимым, но после первой же перемены исчезнет – банально будет съеден. Придется подойти к заказчику, встать за его спиной и внимательно следить за его домочадцами.

В такие моменты гоэта особенно жалела о том, что не получила высшего магического образования – оно бы с легкостью помогло решить проблему.

Взявшись за нож, Эллина собралась разрезать крылышко птицы, когда поняла, что усложняла себе задачу. Ее ведь просили узнать, не подсыпают ли яд заказчику? Так на этот вопрос и нужно ответить, а не отравленную пищу искать. А ответить очень просто – дать выпить противоядия, только немного уменьшить пропорции, чтобы симптомы отравления остались. Со стороны будет похоже на легкое желудочное расстройство или приступ удушья, если яд сильный.

Господин Нардег, конечно, за такое по головке не погладит, но тогда с чистой совестью можно будет искать отравителя, ни от кого не таясь.

– Благородный сеньор, дозволено ли мне будет на несколько минут покинуть вас?

Получив разрешение, сопровождаемое укоризненным взглядом (заказчик полагал, что она халатно относится к своей работе), Эллина вышла из столовой, взлетела по лестнице в свою комнату, высыпала на кровать содержимое сумки и, отобрав нужное, опрометью метнулась на кухню.

Все, что ей нужно, – какая-то емкость и горячая вода. Ингредиенты просто смешиваются, никакой магии, просто строгие пропорции. И можно сразу пить. С противоядиями иначе никак – у умирающего нет времени на кипячение, настаивание и эффектные пасы руками.

Быстро приготовив универсальное противоядие (разумеется, Эллина понимала, что рискует, ведь действие у всех ядов разное), гоэта вернулась к дверям столовой и попросила слугу позвать господина Нардега.

– Выпейте, пожалуйста, – Эллина протянула недовольному заказчику стакан с мутной жидкостью. – Это убережет вас от яда, если таковой вам подсыплют.

– Госпожа Эллина, мы, кажется, договаривались, что вы выясните, пытается ли кто-нибудь меня отравить, – противоядие он все-таки выпил.

– Именно это я и делаю. Поверьте, я уже не в первый раз...

Заказчик оборвал ее, сделав протестующий жест рукой, и вернул стакан.

За время отсутствия Эллины в столовой ничего не произошло. Не произошло и после: ужин прошел в спокойной, немного скучной обстановке: при гоэте присутствующие предпочитали молчать, ограничиваясь лишь короткими бытовыми фразами.

В такой же мирной обстановке протекли и последующие три дня, которые потребовались для установки охранных заклинаний.

Эллина мысленно решила для себя, что у заказчика просто разыгралось воображение, и никто и не собирался его травить. Еду перед подачей на стол она тщательно проверяла, за столовавшимися вместе с господином Нардегом следила, но ничего. Ни у кого даже перстня,

подходящего для хранения яда, нет, а на магов они не похожи. Что ж, так даже лучше: вытаскивать клиента с того света гоэте не хотелось. Да и не вышло бы, а на репутации сказалось.

Отчитавшись о проделанной работе, Эллина получила обещанное вознаграждение.

На сообщение о беспочвенности своих подозрений заказчик отреагировал безразличным спокойствием, будто его это совсем не интересовало. Отсчитал лозены, поблагодарил за хорошую работу и предложил оплатить извозчика. Гоэта от предложения не отказалась, и уже через полчаса уютно устроилась на заднем сиденье экипажа.

Было уже темно, моросил мелкий дождь.

Кроме огней фонарей и попадавших в круги их света прохожих и стен домов, мало что было видно, но господин Нардег настоял на том, чтобы Эллина вновь повязала на глаза шарф. Его он пожелал закрепить собственноручно, взяв с гоэты слово, что она снимет повязку только у калитки собственного дома. Эллина не стала спорить, вспомнив о золотых монетах, приятно оттягивавших кошельки.

Когда экипаж остановился, а кучер сообщил, что они приехали, гоэта, следуя условиям договора, сняла повязку и осторожно сошла на мостовую. Ее квартал – это не квартал, где живет господин Нардег, здесь на мостовой лужи, дренажной системы нет.

Повозка с тихим шелестом под перестук копыт укатила, оставив гоэту перед погруженной в темноту калиткой собственного дома. Фонарь покачивался над крыльцом – кухарка забыла зажечь еще один, на улице. Что ж, оно и понятно, – Эллина же не сказала, когда вернется, а Урсула по вечерам сидела дома.

Гоэта щелкнула задвижкой и вступила на подъездную дорожку. На всякий случай приподняла подол – тут может быть грязно.

До светлого пятна крыльца оставалось шагов пять, когда ее схватили под руки, заткнули рот кляпом и поволокли обратно на улицу, к какому-то закрытому экипажу.

Эллина решительно сопротивлялась, но недолго – терпение у похитителей оказалось коротким, и они предпочли усыпить ее тряпкой, пропитанной специальным составом.

Гоэта пришла в себя в каком-то странном, практически лишенном мебели помещении. Здесь были только стол и два стула. На одном из них, лицом к столу, сидела она, скованная заклятием оцепенения. Оно гораздо действеннее веревок и не причиняет боли.

Голова болела, Эллину слегка подташнивало – последствия принудительного усыпления.

Скрипнула дверь, и в комнату вошел мужчина. В чем-то темном и бесформенном, чтобы нельзя было разглядеть ни фигуры, ни лица.

Бросив короткий взгляд на гоэту, он проследовал за стол, сел и опробовал стоявшие на нем письменные принадлежности.

– Итак, Эллина – это ваше настоящее имя?

Гоэта вздрогнула и кивнула.

У него был холодный, лишенный любых эмоций голос. Со знакомыми интонациями.

Определенно Эллина уже где-то видела этого человека, слышала этот голос, но где?

– Гоэта, тридцать четыре года. Не замужем, детей нет. Родилась и выросла... Впрочем, неважно. Ваша биография на редкость скучна и банальна. Расскажите мне лучше, что произошло с девушкой по имени Ханна в области Рамит. Честно, откровенно и без утайки.

– Так это связано с той странной смертью? – наконец поняла гоэта. Она ведь с самого начала почувствовала, что там нечисто.

У Эллины не было причин что-то скрывать, и она рассказала все, что знала. Даже о

своих ощущениях.

Человек за столом внимательно ее слушал и делал какие-то пометки. Затем замер на мгновение, облокотив подбородок о сложенные ладони, и крикнул кому-то:

– Можете уводить! Доставьте госпожу туда же, откуда забрали.

– Надеюсь, – теперь он обращался к гоэте, – мы с вами никогда больше не увидимся. Но история слишком темная, чтобы я мог дать вам подобное обещание. На всякий случай постарайтесь не покидать Сатию в ближайший месяц. Благодарю за сотрудничество.

Заклинание оцепенения спало, и Эллина вновь смогла двигаться.

– Послушайте, меня в чем-то обвиняют? – потирая лоб, спросила она.

– Возможно, – уклончиво ответил ее собеседник. – Вам не обязательно это знать. Вы свободны. Не смею вас больше задерживать.

Человек встал и направился к выходу. Ни капюшона, ни маски с лица он так и не снял: догадывался, что в полосе света из коридора гоэта сумеет его хорошо рассмотреть.

Но ощущение того, что Эллина знала его, не пропало, а, наоборот, усилилось. Только от волнения гоэта никак не могла его вспомнить.

Вошли двое, взяли ее под руки, завязали глаза и куда-то повели. Сначала по переходам, затем вверх по лестнице, на один пролет, снова по ровной поверхности, опять по лестнице, только вниз, кажется, на улицу. Затем посадили в экипаж, назвав кучеру точный адрес.

Оба конвоира ехали с ней, настоятельно советуя молчать во время поездки и не распространяться о том, где она была и о чем ее спрашивали «ради вашей безопасности».

Эллина пришла в себя только после третьей рюмки крепкой домашней настойки в доме за задвинутыми засовами, опутанном защитными заклинаниями. И то не спала полночи, опасаясь, что неизвестные похитители вернутся.

Но они не вернулись. Вместо них с утра заглянул Гланер расспросить о выгодном заказе господина Нардега и предложить подработку: изготовление средства от веснушек, на которое у него не хватало времени.

О вечернем происшествии Эллина умолчала, обо всем остальном рассказала.

Друг, шутя, позавидовал ей:

– Всем бы таких заказчиков!

Глава 3. Жертва

Это был один из немногих дней, когда Эллина хотела быть привлекательной. Не то чтобы обычно она выглядела ужасно, просто полчаса не отмокала в ванне, так тщательно не расчесывала волосы, красилась, душилась, выбирала наряды.

Глядя на нее, можно было подумать, что гоэта собиралась на свидание, но нет, речь шла всего лишь о дне рождения подруги, который та праздновала в одном из лучших ресторанов Сатии.

Безусловно, Анабель преуспела в жизни намного больше, чем Эллина, даром что учились вместе. Но в отличие от Гланера Бель не жаждала продолжать образование, хотя возможность была. Ей хватало и полученных знаний, тем более она давно совершенствовала свои навыки на одном-единственном человеке.

С первым префектом Сатии, графом Алешанским, Анабель случайно познакомилась вскоре после окончания училища, когда во второй раз продлевала лицензию. Префект, только вступивший в должность, пожелал лично ознакомиться с теми, к кому местные жители обращались за мелкой магической и лечебной помощью, – проще говоря, заглянул на часок во время объезда в Лицензионную контору. И там, уже уходя, наткнулся взглядом на Анабель. Девушка ему понравилась, оказалась приветливой и разговорчивой, за что в награду получила продление лицензии без экзамена и бюрократических проволочек. Взамен она оставила графскому слуге свой адрес.

Алешанский пригласил Анабель на обед, затем – на ужин, плавно перетекший в завтрак в графском особняке. С тех пор, если гоэта и сдавала какие-то экзамены, то исключительно в спальне префекта. Экзаменатор, судя по всему, был доволен, Анабель – тоже.

В роли графской любовницы ее практически все устраивало, кроме, пожалуй, двух аборт, которые пришлось сделать за прошедшие десять лет. «Что поделаешь, – пожимала плечами гоэта, – мы были в такой глуши, что я ничего не могла приготовить или купить, а отказать ему и мысли не возникло. Да и не все так страшно: сходила к врачу, выпила бутылочку, денек полежала, и снова здорова. Но Теймас обещал, что если я вновь забеременею, то рожу. Сейчас он на ребенка согласен, только я пока не хочу. Годика через два. Папочка нам капиталец в банк положит, особнячок на меня перепишет. А пока я еще погуляю».

Граф был женат, но Анабель это не волновало. Его жену она даже знала, собственно, помолвка и бракосочетание состоялись уже при ней, через год после знакомства. Графиню Бель ни в дырявый медяк не ставила – «бледная немощь, крольчиха с титулом», а детям любовника иногда передавала леденцы. Их у него было четверо: три девочки и мальчик, и, судя по всему, прибавления в семействе Алешанских больше не предвиделось: спальня супруги графа давно не прельщала. Да и зачем – наследник рожден, а как женщину он жену никогда не воспринимал. То ли дело любовница.

Исходя из всего вышеперечисленного, становилось понятно, почему Анабель не стремилась совершенствоваться в профессии и могла себе позволить сорить деньгами в лучших заведениях города. И почему Эллина так прихорашивалась: в ресторане мог оказаться кто-то из дворян, даже сам Алешанский. Разумеется, у гоэты и в мыслях не было отбить любовника у подруги (да и нечем, Бель же – потрясающая красавица и умница), а вот полезные знакомства завязать можно.

Влиятельный покровитель – это очень хорошо. Но, увы, все ее пересечения с представителями знати были мимолетны и максимум ограничивались однократным интересом к цвету ее нижнего белья. И то среди дворян, с которыми пару раз сводила ее судьба, не было никого родовитого.

Анабель заказала отдельный кабинет, задрапированный по ее желанию переливчатым шелком.

В дальний угол была небрежно отставлена огромная корзина роз.

Новорожденная сидела во главе стола и с улыбкой принимала поздравления и подарки. Одна, без любовника. Видимо, решил не портить девичник. Оказалось – просто опаздывал.

Мужчины были. Двоих Эллина знала – тоже гоэты, еще одного – нет. Сразу видно, что не из их круга. Чуть позже обещал подойти Гланер, то ли в шутку, то ли всерьез попросивший оставить за ним первый танец. Они с Анабель тоже были дружны, хотя опосредованно – через Эллину. Не могли же ее друзья не общаться.

Вручив свой подарок, гоэта заняла место за столом, бросая заинтересованные взгляды на незнакомого кавалера. Подруга тут же представила их друг другу. Чутье не подвело Эллину – барон.

– У него есть всего один недостаток, дорогая моя, – шутя, добавила Бель. – Думаю, ты уже догадалась, какой.

Догадалась. Он занят. Что ж, она и не планировала личных отношений, сугубо деловые. А этому ни наличие жены, ни любовницы не помешает.

– Боюсь, недостатки барона Барра меня совершенно не интересуют, не в обиду ему будет сказано, – улыбнулась Эллина. – Мне гораздо интереснее услышать историю вашего знакомства.

– Это скучно и банально, дорогая, он сам тебе расскажет.

Наклонившись, Анабель, на миг став серьезной, пользуясь одним из «мертвых» языков, тихо спросила:

– А у тебя все так же? Никого?

– Никого, – равнодушно подтвердила гоэта. – Как-то времени нет, в основном одна работа. Ты же знаешь, я серая суетливая мышка, – она рассмеялась. – Да и как-то никто не прельщает.

– Потому что ты не с теми общаешься. Уж прости, но гоэты, аптекари, лавочники – это не то.

– Анабель, не в деньгах дело, а в человеке, – резко ответила Эллина. – И позволь мне самой решать, что мое, а что нет.

– Разумеется, дорогая. Прости, что задела за больное. Не бойся, знакомить ни с кем не стану – ты взрослая девочка.

А ведь Анабель права – последние серьезные отношения у нее были три с половиной года назад. С заказчиком. Симпатичным, состоятельным, между прочим, хоть и не дворянином, но служившим в префектуре. Увы, не сложилось! С тех пор – никого. Да и Эллина не стремилась кого-нибудь найти: с любовью теряешь деньги. Гоэтов много, нужно постоянно о себе напоминать.

Последними явились опаздывающие мужчины.

Гланер почтительно пропустил вперед графа Алешанского, хотя и позволил себе переброситься с ним парой слов. Впрочем, он не из такой семьи, как Эллина, аристократы не смотрят на него сверху вниз, хотя и ровней себе не считают. Такие как Гланер, служат у

них помощниками и секретарями, а то и вовсе становятся сослуживцами.

Он ведь не простолюдин, а выходец из той части второго сословия, что сообщается с первым. Гланер рассказывал, что некогда его предки были дворянами, но потом, волею судьбы, титулов лишились. Так ли это, Эллина не знала – не проверяла, но допускала подобное развитие событий. В былые времена обнищавшие дворяне часто обменивали титул на деньги. Наверное, прадеды Гланера так и поступили. Зато теперь у его отца личное дворянство и под ногой весь их городок – он Председатель суда.

За столом неспешно текли разговоры, сводившиеся к обмену последними новостями и сплетнями и прославлению виновницы торжества. Потом, как и обещала Анабель, были танцы: гостей развлекали специально приглашенные музыканты.

Компания утомилась к полуночи, когда граф Алешанский увез подвыпившую любовницу домой. К ней домой, разумеется.

Кое-кто остался в ресторане (он, как и все подобные заведения, закрывался поздно), кто-то решил продолжить веселье в заведениях иного порядка, кто-то засобирался домой.

Гланер порывался проводить Эллину, но та отказалась, напомнить, что ему предстоит сегодня дежурить у одного подозрительного торговца, решившего, что в лавке завелось какое-то существо.

Гоэт за выпивкой и в дружеской компании успел позабыть о работе, за которую уже взял задаток. И, похоже, слова подруги его не обрадовали. Оно и понятно: кому захочется тащиться через весь город, прятаться за прилавком, прислушиваться к звукам и присматриваться к теням вместо того, чтобы приятно закончить день в мягкой постели? Но договор есть договор, его нужно выполнять.

– Дай, хоть до Яшмовой провожу, – подавая Эллине пальто, настаивал гоэт. – Там до нашего квартала рукой подать, быстрым шагом минут за двадцать до дома дойдешь. А еще лучше я экипаж тебе найму.

Услышав цену, которую извозчик заломил за свои услуги, гоэта наотрез отказалась, чтобы Гланер поощрял «этих кровопийц».

– Да я прекрасно сама дойду, у нас ведь тихая округа. В крайнем случае наемный экипаж найду: в другом месте они дешевле, а тут ведь все цены на аристократов рассчитаны.

– Пес с ней, с работой, Лин, я тебя до дома провожу. Не станет же этот торговец меня с фонарем у дверей караулить! Если какая-то дрянь у него обретається, я и так почувствую, убить ведь все равно не смогу, только отпугну. Ума ни приложу, почему он мага не нанял?

– Видимо, сомневается, что не собственные работники шалят, – улыбнулась гоэта.

Гланер пожал плечами и галантно взял ее под руку, делаясь впечатлениями о знакомых Анабель, как гоэтах, так и бароне. Последний ему не понравился, а вот Эллина проявила к нему интерес, чем заработала саркастический вопрос:

– Что, обработаешь Барра и станешь уменьшенной копией Бель? Что ж, деньжата у него есть, а вот насчет супруги не знаю. Кажется, нет. Смотри, Лина, хватай удачу за хвост, а то Мейли уже ее за кое-что другое сегодня ухватит.

– Пошляк! – гоэта, шутя, пнула его локтем в бок. – Хватит меня в постель мужикам подкладывать!

– Лин, и в мыслях не было! Просто ты с ним так мило болтала, а Мейли глазки строила. И ее глазки оказались весомее твоих слов. Ладно, не переживай! Аристократ из него завалящий и с гонором. Мейли с ним не выгорит. А утро ты всегда можешь встретить в теплой дружеской компании.

Воспользовавшись ситуацией, Гланер хлопнул подругу по мягкому месту. От неожиданности Эллина взвизгнула и лишь потом разразилась чередой ругательств в адрес друга, советуя искать развлечений в очень дальних краях.

За шутливой перебранкой и ехидными подколками гоэта они дошли до Яшмовой улицы, где Гланер вынужден был покинуть свою спутницу, на прощание незаметно засунув ей в карман чекушку на извозчика.

Стоянка наемных экипажей располагалась чуть дальше, гоэта уже заприметила свободного возницу и собиралась махнуть ему рукой (Гланер прав, нечего дразнить ночную братию), когда почувствовала нечто. Что-то тревожное, заставившее инстинктивно нащупать кинжал. Будто все окружающее пространство давило на нее, заставляя сердце испуганно замирать.

Тихо, поразительно тихо, словно улицу непроницаемой сферой накрыли. Но Эллина не чувствовала магии, здесь было что-то другое. Вязкое, тягучее, непонятное, но явно ненормальное. Какие-то резкие всплески, какие-то волны то ли эмоций, то ли энергии. Больше всего похоже на колдовство, но ведь у него иная структура. У того колдовства, о котором рассказывали в училище. Но, возможно, есть и другое, с иной структурой, плетением. Темное, например.

Эта мысль обожгла, заставила невольно отшатнуться к стене.

Знакомые ощущения... Как там, в Рамите!

Сотворив храмовый жест (ладонь поднести к груди и резко чиркнуть по ней пальцами другой руки, будто что-то отбрасывая), гоэта попыталась вычленить из воздуха частички странной субстанции. Они оказались настолько мелкими и хрупкими, что никак не давались в руки. Но излучали свечение, приглушенное оранжевое свечение, доступное глазу только при внимательном рассматривании тепловой карты нематериального мира.

На ауру не похоже, не бывает аур такого цвета. И никак не определить, живое оно или нет.

Эллина пребывала в замешательстве и решила не искушать судьбу, сейчас же наняв экипаж, когда почувствовала, как частички в воздухе сгущаются, а свечение – накаляется. Будто пламя перед взрывом.

– Дура, идиотка, нужно было брать накопитель!

Гоэта стремительно отпрянула в сторону, пытаясь покинуть границы, подвластные огненному недвижному мареву. Открыла глаза, лихорадочно огляделась, кожей ощущая опасность. Вроде Яшмовая улица все та же. Вон припозднившаяся парочка целуется на крыльце, вон возница недоверчиво рассматривает совершающую странные телодвижения гоэту. Наверное, принял ее за припадочную. Только что-то не так. Совсем не так.

Частички! Они оседают на кожу, оставляя мимолетные искринки, будто снежинки, очень нежные, мягкие, приглушенные, и вызывают... От них клонит в сон! Это что-то усыпляет, вызывает оцепенение, даря такое сладостное ощущение внутри.

Бежать, бежать без оглядки!

Эллина решительно двинулась в сторону экипажа, отчаянно борясь с желанием остановиться, замереть, поддаться.

Внезапно все кончилось.

Концентрация частичек стремительно уменьшалась, структура их разрушалась.

Оранжевое марево потухло, не оставив и следа. С такой скоростью не испаряется даже аура покойника. Была – и тут же исчезла.

Где-то рядом протяжно завывала собака. Совсем как в том лесу, в Рамите, в котором она обнаружила Ханну.

Пока гоэта разбиралась со своими ощущениями, экипаж успели перехватить: на нем уехал молодой человек, тот самый, который целовал девушку. Другой повозки не было видно, и Эллина пожалела, что отговорила Гланера проводить ее до дома.

Впрочем, места знакомые, кинжал под рукой. Если держаться освещенных улиц, присматриваться к сгущающимся теням, ничего не случится.

Двадцать минут... Если поторопиться, она и в четверть часа уложится.

Заверив себя, что ей все привиделось и ничего дурного не произойдет, Эллина смело свернула на перпендикулярную улицу, которая должна была вывести к Тополиному проезду, а от него до родной Тенистой улицы рукой подать. И обо что-то споткнулась.

Затеpliant магический светляк, гоэта наклонилась, чтобы рассмотреть препятствие, и тут же в волнении погасила лишний источник света. Хорошо, что успела закрыть рот рукой, а то бы вскрикнула от неожиданности и испуга.

Она была еще теплой. Но уже мертвой. И лишенной ауры. Начисто. Девушка примерно лет двадцати, может, немного старше. Рот приоткрыт, глаза – стеклянные, взгляд – бессмысленный. Он абсолютно ничего не выражал, вступая в противоречия с законами насильственной смерти.

Снова осторожно сотворив светляк, предварительно убедившись, что улица пуста, гоэта бегло осмотрела покойную.

Как ее убили – загадка. На теле не было ранений, на шее – следов удушения, на коже – кровоподтеков и синяков. Магией? Но это нелепо, все равно что-то останется, да и зачем тратить силы на какую-то простолюдинку?

Какой, вообще, смысл ее убивать? Это не ограбление – кошелек и сережки не тронуты. Изнасилование?

Поморщившись, Эллина задрала погибшей подол. Белье старое, но целое. И на месте. Ханна! Ханна умерла абсолютно так же.

И со смертью обеих девушек как-то связано нечто с оранжевым свечением.

Эллина опрометью бросилась прочь. На перекрестке ей посчастливилось встретить извозчика, трусившего домой после долгого трудового дня. Гоэта остановила его и, не став торговаться, назвала свой адрес. Хватит с нее на сегодня ночных прогулок!

Проснувшись, Эллина поняла, что поступила не слишком мудро. Не стоило прикасаться к трупам. Ушла, наследила, не заявила о своей страшной находке. Положим, последнее можно еще исправить, но жутко не хотелось идти на ближайший гарнизонный пост: гоэта не сомневалась, что честь «первооткрывателя» убитой девушки уже кто-то присвоил. А это означало, что к Эллине возникнет куча вопросов. Так что можно сразу отправляться в Следственное управление. Только к кому там она пойдет, откуда ей знать, кто ведет дело?

И на допрос снова не хотелось – памятен был тот, ночной. В том, что его проводил настоящий следователь, гоэта не сомневалась: у них специфическая манера ведения разговора и особое умение не проявлять эмоций. И маски. Гоэта раньше думала, что это выдумки, но недавно сама убедилась, что они их надевают – дополнительная мера воздействия.

Но вроде бы свидетелей допрашивают открыто...

Значит, она для них не свидетель. Значит, они сомневаются. Поэтому и речи быть не может, чтобы признаться, что гоэта была на месте преступления в минувшую злополучную

ночь.

А, может, та девушка сама умерла? От испуга, например.

Свечение же могло Эллине привидеться. Нервное перенапряжение, обилие сложной работы, переезды, постоянное использование накопителей, выпивка – все это не лучшим образом сказывается на состоянии разума. Возможно, ничего и не было, просто труп. Никакого нечто в воздухе.

Убаюкивая себя подобными мыслями, гоэта спокойно позавтракала и позволила себе поваляться на диванчике в гостиной.

Идти в «Белую мышку» не было никакого желания, да и поздно уже, если и приходили потенциальные заказчики, то всех хороших разобрали. А она не в форме: ленится, зевает, совершенно не настроена драться за лишнюю монету. Ничего, полежит немного и примется за перевод: там всего три странички осталось. Вечером можно будет занести заказчику и получить свое вознаграждение.

Но воспоминание об оранжевом мареве и размышления о его природе не давали покоя. В конце концов, гоэта решила быстро закончить с переводом и заглянуть в библиотеку. Надежды, что там отыщется что-то магическое, разумеется, не было: подобные вещи в открытом доступе даже в училище не хранились, исключительно под замком, в укромном месте, и выдавались под расписку. За подписью преподавателя, что разрешает взять для таких-то целей. А вот подобные случаи в Тордехеше могли происходить и раньше. И их могли расследовать, и, более того, определить виновника.

Как низшего мага ее должны были беспрепятственно допустить в Летописный зал, где хранились разбитые по годам подборки по разным вопросам. Только вот не хотелось тратить два медяка за вход в библиотеку – знания, увы, не бесплатны. Но хотя бы более-менее доступны, раз не серебряную монету берут.

Поборов лень, Эллина поднялась вверх, в кабинет – комнату, заваленную всяким хламом, пригодным для работы, и водрузилась за стол, на котором, диссонируя с окружающей обстановкой, были аккуратно разложены листы переводимого документа и собственно сам перевод.

К обеденному времени закончила: пришлось повозиться с последней страницей, полазать по словарям – увы, собственных знаний не хватало.

Оценив свое детище, выведенное ровным убористым почерком, без единой пометки, Эллина промокнула листы и осторожно перевязала ленточкой результаты работы.

Оригинал заказчика был с теми же мерами предосторожности приведен в первоначальный вид, то есть заново переплетен.

Гоэта давно научилась ради удобства расшивать документы, не нарушая целостность печати. Небольшая ловкость рук – и никто не догадается, что нить не из конторы нотариуса.

Положив в сумку оба свитка, прихватив несколько листов чистой бумаги и яблоко с кухни (после пира Анабель и позднего завтрака есть еще не хотелось, а перекусить – возможно), Эллина вышла на улицу.

День был погожий, даром что осенний, безветренный, так что она решила прогуляться до библиотеки пешком. На обратном пути наймет извозчика.

– Эй, Лина, – окликнул ее знакомый гоэт, живший в одном с ней квартале: тоже сумел хотя бы временно устроиться в жизни, не всем так везло, – ты уже слышала?

– О чем? – Эллина непроизвольно насторожилась.

– Да все наши шепчутся, утверждают, главная тема для разговоров среди магов. Парочка

даже к нам нос сунула, посмотреть, приняться – это ведь неподалеку от нас произошло. Девчонку высосали.

Гозта побледнела и прислонилась спиной к забору.

– То есть как высосали?

– Просто. Всю жизненную силу выпили. Ювелирно сработали, без малейших повреждений. Плещется сейчас, наверное, в каком-то накопителе.

– Норт, ты что-то пугаешь. Жизненная энергия разрушится, это невозможно...

– Прогульщица, второй год обучения вспомни. Несильна, несильна ты в теории, простейших вещей не знаешь, как только экзамены сдавала?

И то верно. Хранить можно и в натуральном, не искусственном виде. Темные хранят, а потом силы подпитывают. И не только темные, есть существа, у которых собственной энергии нет, и они вынуждены заимствовать чужую. Но чтобы вот так, до конца, филигранно, оставив после себя нетронутыми внутренние органы... А ведь, по словам Норты, выходило, что именно так. И сама она тело видела.

Переважив полученные сведения, Эллина решила, что медяков на библиотеку ей не жалко. Она не успокоится, пока не уверится, что такое уже бывало, и виновник не остался ненаказанным.

Что бы это ни было, оно было так близко от нее, оно могло вот так же убить и ее...

И в Следственное управление нужно зайти и дать показания. Это серьезно, тут уж не до личных неудобств. Отдаст перевод и сразу направится туда.

– Гозта Эллина Тэр?

Она обернулась и в недоумении уставилась на двух солдат.

– Да, это я. Извините, я сейчас занята, уверена, что в «Белой мышке» вы найдете...

Эллина осеклась. До разума увлеченного мыслями об опасном ночном происшествии, наконец дошел смысл происходящего. Это не заказчики, они не работу предлагают, не гозта для мелкой помощи ищут, а именно ее разыскивают.

– Прошу следовать за нами. Отдайте нам сумку, оружие и все магические побрякушки, если таковые имеются, – равнодушно, видимо, выучивший реплику наизусть, добавил солдат.

Его напарник тут же протянул руку и, видя, что гозта медлит, вырвал у нее сумку.

– Ну, магические побрякушки, оружие, живо! И без фокусов.

Эллина глотнула, почувствовав приставленный к животу кончик солдатского палаша. Желания спорить со служителями правопорядка не возникло, она отдала им все.

Попробовала поинтересоваться, по какому праву ее задержали, но получила грубый ответ:

– Не твоего ума дело! Следователь объяснит.

На глазах у знакомых и соседей гозте связали руки и затолкали в закрытый экипаж.

Один солдат сел с ней, другой устроился на козлах рядом с кучером.

Повозка дернулась и под шепот обитателей Тенистой улицы стремительно скрылась из вида.

Солдат не обращал на арестованную ни малейшего внимания, а сама гозта, мучимая противоречивыми чувствами, главенствующим среди которых постепенно становился страх, прильнула к небольшому окошку, с грустью следя за привычными, любимыми улочками. Быть может, она видит их в последний раз.

Стоит ли говорить, что Эллина тысячу раз прокляла свою скупость и нерешительность. Позови она стражу, сядь она в экипаж – все сложилось бы иначе. А так...

Повозка въехала на территорию замка и остановилась у мрачного здания, напоминавшего крепость в крепости. Даже его архитектура решительно отличалась от привычных городских построек – мощные стены, башни по углам. И печать магической защиты на каждом камне. Мощнейшей защиты, которую, наверное, мог бы поставить или снять только ректор Университета – по мнению Эллины, самый сильный маг королевства.

Парадный вход этого замка в четыре этажа украшала табличка: «Следственное управление города Сатия, королевство Тордехеш». Но гоэту вывели под руки из экипажа не у лестницы с фигурами львов, а у черного хода, во внутреннем периметре постройки. Во дворе.

Эллина снова попыталась что-то выяснить, но с тем же результатом. На нее не обратили внимания, подтолкнув к массивной двери, которую, казалось, и направленным взрывом не выбьешь.

Оставив испуганную гоэту в небольшой комнатке без окон, солдаты удалились, лениво бросив ее вещи подоспевшей женщине в форменном платье. Та быстро прикрепила к ним ярлыки, сделала какие-то отметки в толстой амбарной книге и передала другим служащим на осмотр, сама же вошла в комнату к Эллине.

– Предупреждаю сразу: любое применение магии в этих стенах чревато. Так что, ведем себя спокойно, не царапаемся, не кусаемся, а то солдат позовут, успокоят.

Гоэта кивнула, живо представив, как ее будут успокаивать солдаты. Ударами в живот и по лицу.

Служащая развязала веревки и приказала:

– До нижнего белья раздеваемся. Все опасные предметы заранее отдаем мне.

Что поделаешь, таковы местные порядки. Перед тем как допустить к следователю, обыщут.

Стоять на каменном полу полуголой было холодно и неприятно. И стыдно, особенно когда твое тело дюйм за дюймом внимательно ощупывают, даже белье приспускают на тот случай, если бы гоэта пожелала под ним что-то спрятать. На мгновение Эллине даже показалось, что служащая ее совсем разденет: судя по сомнениям во взгляде, такая мысль у нее была. Но служащая не стала, ограничившись ощупыванием, вызывавшим мерзкие ощущения, – с такой настойчивостью она это делала, будто любовница. Ее пальцы побывали практически везде.

Не обращая внимания на униженную гоэту, торопливо поправляющую белье и пытающуюся согреться, переминаясь с ноги на ногу, женщина детально осмотрела одежду, даже в паре мест вспорола подкладку, а потом отдала Эллине. Все, кроме пальто.

– Одевайся. Через пару минут за тобой придут.

На этот раз гоэту конвоировали другие солдаты, более вежливые и более молчаливые.

Они поднялись на второй этаж, миновали длинный коридор, запруженный народом. Как подозревала Эллина, это были те, кого вызвали в управление для дачи показаний, – обвиняемые бы в очереди не сидели. Затем вышли через массивные двери (тут все такие) на лестничную площадку, за которой тоже оказался коридор, только в отличие от первого посетителей здесь было немного. И не только обыкновенные подданные короны, но и служащие, меряющие шагами пространство перед дверью того или иного кабинета.

Их кабинет оказался пятым по счету и не снабжен табличкой.

Усадив Эллину на стул, один из солдат постучал и, приоткрыв дверь, доложил:

– Подозреваемая доставлена.

– Да, да, соэр ее ждет, – ответил звонкий голос, и из кабинета вышла ухоженная блондинка с кипой бумаг. – Если что, я в приемной.

Значит, секретарь.

За первой дверью оказалось небольшое помещение с двумя стульями – больше бы туда ничего не поместилось – и вторая дверь. На ней красовалась табличка: «Главный следователь Следственного управления г. Сатия». Она нагнала на Эллину еще больший страх – ее дело даже простому следователю не поручили.

Втолкнув ее в кабинет, солдаты остались дожидаться в смежном крохотном помещении.

Гоэта несмело шагнула внутрь, боясь поднять голову, нащупала пальцами стул и села – ноги ее не держали.

Запястья болели, и она несколько раз помассировала их.

– Ну, так как, госпожа Тэр, обойдемся без заклинания оцепенения или поступим стандартно?

Тот же голос. Этот человек допрашивал ее в ту ночь.

Вздрогнув и пробормотав, что она и не думает бежать или совершать что-либо противоправное, Эллина взглянула на следователя. И поняла, почему еще тогда уловила в нем что-то знакомое. Нет, маска и бесформенная одежда были на месте, но кольцо она узнала. И оно действительно с печаткой. Значит, дворянин.

– Господин Нардег? – удивленно пробормотала она, пытаясь понять, был ли совпадением его странный заказ. Или это просто спектакль, чтобы взглянуть на нее, что-то узнать, проверить?

– Что ж, раз вы так догадливы, госпожа Тэр, обойдемся без маскарада.

Следователь неспешно избавился от мешковатой накидки и маски, убрав их в стол.

Бледно-зеленые глаза оценивающе впились в ее лицо, вызывая дискомфорт. Эллина не продержалась и минуты, отвела взгляд.

– Соэр Ольер ли Брагоньер, – сухо представился следователь, открывая материалы дела. – Обращаться ко мне можно либо как к обыкновенному подданному, либо как к служащему короны, на ваш выбор.

– То есть? – не поняла гоэта.

– То есть меня в равной степени устроит как «господин Брагоньер», так и «господин соэр», главное, чтобы ваши ответы были правдивы. Первые я проверил: нестыковок нет, но многое непонятно.

– Дозволено ли мне, господин соэр, узнать, в чем меня обвиняют?

– Разумеется. В двойном убийстве. Вернее, в одном обвиняют, в другом подозревают. Один из верноподданных Тордехеша показал, что вы совершали подозрительные действия возле того места, где была убита девушка. Действия магического характера, которые, как установили эксперты, и повлекли смерть вышеозначенной особы.

– Но я не умею пить жизненную силу! – непроизвольно вырвалось у гоэты.

– Да? – саркастически протянул господин Брагоньер, подавшись вперед, с довольной улыбкой глядя на смутившуюся подозреваемую. – И откуда же вам известно, как именно была убита девушка? А была она убита именно тогда, когда вы находились рядом. Вы хорошо наследили, госпожа Тэр: попались на глаза извозчику, еще двум свидетелям, топтались возле трупа, касались его... Да, госпожа Тэр, это тоже можно определить, хотя вы и попытались замести следы, наняв экипаж. Извозчика мы уже нашли и допросили. Он показал, что вы были взволнованы и торопились. С моей стороны все, теперь я выслушаю вас.

Эллина некоторое время молчала. Слова следователя никак не укладывались в голове. «Главного следователя», – услужливо напомнил внутренний голос. Этот человек еще тогда, в «Белой мышке», подозревал ее? И решил проверить потенциал, понаблюдать? Или велел обыскать дом. Тогда понятно, почему он так щедро с ней расплатился, к чему были все эти меры предосторожности.

И ему что-то не понравилось, раз ее тем же вечером привезли на допрос.

– Госпожа Тэр, – вывел ее из состояния задумчивости голос Брагоньера, – мне дорого мое время, вам, надеюсь, ваша свобода. Отказ от дачи показаний будет рассматриваться какотягающее обстоятельство. Вы все равно все расскажете, только мне бы не хотелось подписать разрешение на пытки молодой привлекательной женщины. Но будете молчать, подпишу. Итак, госпожа Эллина, правду и ничего, кроме правды.

– Я не умею, я не смогла бы... – слезы сами собой выступили на глазах. – Я возвращалась домой после дня рождения подруги, хотела взять экипаж, когда почувствовала... Оно убаюкивало и излучало оранжевое свечение. А потом повозку забрал молодой человек, я вынуждена была идти пешком и наткнулась на нее. Да, я к ней прикасалась, но только потому, что пыталась понять, как... Ее убили, как Ханну!

Следователь налил из графина стакан воды, встал и протянул гоэте:

– Выпейте. И повремените с рыданиями, вы пока только обвиняемая, а не виновная. Держите носовой платок. Госпожа Тэр, возьмите, наконец, себя в руки!

Она вздрогнула от его окрика, такого неожиданного на фоне общей бесстрастной речи, и чуть не разбила стакан. Осушила его мелкими глотками, промокнула глаза платком и вернула оба предмета Брагоньеру. Сделала несколько глубоких вдохов и постаралась подробно воспроизвести события прошлой ночи.

Следователь внимательно слушал ее, фиксируя показания на пронумерованных листах с печатью Следственного управления. По выражению лица сложно было понять, что он думает, как относится к обвиняемой.

Когда Эллина замолчала, ей пришлось выдержать еще одну пытку пристальным взглядом, будто проверяющим, солгала ли она.

На несколько минут в кабинете воцарилось молчание, гоэта то сжимала, то разжимала пальцы, а Брагоньер что-то писал, делая пометки красным карандашом поверх написанного, подчеркивая и выделяя отдельные слова. Потом он выпрямился, откинулся на спинку стула и продолжил допрос.

Следователь был уверен, что Эллина рассказала не все, что знала, и пытался выяснить то, что она утаила. Многие его вопросы ставили гоэту в тупик.

Особенно Брагоньера интересовали умения Эллины, отношения с темными (разумеется, он знал о некроманте), детальное, поминутное расписание вечера дня рождения Анабель и, разумеется, наличие у обвиняемой доказательств непричастности к преступлению. Таковыми, увы, гоэта не располагала. Единственным косвенным подтверждением ее невиновности могло бы стать точное установление времени смерти жертвы, но, увы, это было невозможно.

– Плохо, очень плохо, госпожа Тэр, – покачал головой Брагоньер. – Все против вас, есть только одно «но» – вы низший маг и даже теоретически не способны совершить столь изощренное преступление. Весомый аргумент, но что мне делать с доносом? В нем черным по белому сказано, что обеих девушек убили именно вы. И очень логично объяснено. Вы ведь не отрицаете знакомства с некромантом? Прекрасно. А некромант, как известно, способен

манипулировать жизненной энергией, вызывать различных существ... Мог и вас научить. Судя по вам, конечно, не скажешь. Способности у вас средние, я видел вас за работой – много лишних, ненужных движений, берете не знаниями, а сноровкой. Но, кто знает, темные умеют маскироваться, притворяться неумехами. Тест на магические способности покажет, что правда, а что ложь. Словом, с прискорбием вынужден сообщить, что обвинения с вас сняты, а эту ночь вы проведете в камере. И, может быть, не только эту. До выяснения обстоятельств.

– Можете уводить, – крикнул он солдатам. – Предписания заберете через пять минут у секретаря.

Эллина с мольбой посмотрела на него, начала клятвенно заверять в своей невинности, изъявляла желание пройти немедленную проверку перед ликом богов, но следователь не слушал ее, будто вместо гоэты было пустое место.

Вошли солдаты, взяли Эллину под руки и вывели в коридор. Посоветовали молчать, если та не желает попасть в общую камеру, и, забрав бумаги, сопроводили во двор, где стояла уже знакомая закрытая повозка.

Гоэту определили в одиночную камеру. Накормили супом с куском хлеба и оставили наедине со своими мыслями.

Эллина сжалась в комок на узкой койке, пытаясь понять, кто и за что так ее подставил. Ведь кто-то написал донос и обвинил ее...

Да, она была знакома с некромантом, тем самым, с которым ее свела первая работа.

Допустим, гоэта повела себя не слишком корректно для выпускницы училища, но, с другой стороны, что было, то было. Заодно проверила один из рассказов о темных, научилась общаться с ними. Опыт всегда полезен, да и с точки зрения теперь уже тридцатичетырехлетней Эллина ничего плохого не произошло.

Кто бы мог подумать, что кто-то вообразит, что некромант чему-то ее учил. Не смешно ли! Он секретами своего мастерства даже с присутствовавшим в их команде дипломированным магом не делился, не то что с какой-то девчонкой-недоучкой. Просто помог, и то потому, что на него надавили.

Темные никого не учат, ни с кем о магии не говорят. Эллина даже не слышала, чтобы у них ученики были. Может, только детям какие-то знания передают.

Обвинение в двойном убийстве... Но зачем ей? Допустим, она бы как-то это смогла, но зачем ей убивать? Да и как смогла, если даже следователь невысокого мнения о ее способностях. Если только с сообщником.

Бред, все равно бред, неужели они этого не понимают?!

Ханна была уже мертва, когда Эллина ее нашла. И умерла не только что, потому что волки и вороны уже почувствовали добычу, а труп остывал. Не холодный, но и не теплый.

У нее есть свидетели: хозяин постоянного двора, его посетители, те, кого она встретила на дороге, спрашивала о Ханне. Они подтвердят, что, когда девушку убили, гоэты на том месте не было. Пусть заново допросят Гланера – он побывал там раньше, наверняка успел почувствовать больше, чем она. Гоэт подтвердит, что они оба видели Ханну уже мертвой, что он встретил Эллину на крыльце гарнизонного поста – а с чего бы ей, убийце, спешить сообщить о собственноручно совершенном преступлении?

Допустим, обвинения в этом убийстве снимут, но вот вторая смерть... Гоэта действительно была там в момент гибели девушки. Одна. И странное нечто почувствовала только она, придать весомость ее словам некому. Кто поручится, что ее рассказ о мареве не

ложь, не выдумки, чтобы пустить следствие по ложному следу?

Вела себя подозрительно, топталась около жертвы, трогала еще не остывший труп... И без свидетелей, одна, на темной ночной улице.

Эллина всхлипнула, с ужасом подумав об ожидавших ее пытках и тесте на магические способности. Это вовсе не банальная проверка вроде той, что она проходила при поступлении, – есть зачатки дара или нет, и если да, то какая стихия ему покровительствует.

Гоэта слышала, что процедура тестирования болезненна и длится несколько часов. По сути, это тоже пытка, во время которой особо обученный специалист копается в твоей голове, заставляет реагировать на череду раздражителей, многие из которых причиняют боль. К примеру, подносит к руке свечу – разумеется, если можешь, ты непроизвольно пытаешься ее погасить. А если нет, то пару минут терпишь.

Испытания чередуют, некоторые повторяют, чтобы проверяемый не мог заранее продумать реакцию, расслабился, думая, что все позади, и выдал себя.

Оставалось надеяться, что над ней смиростивятся и ограничатся процедурой досмотра ауры. Тоже неприятно, потому что ее будут проверять на подлинность, зато быстрее и без риска телесных повреждений.

Эллина попыталась взять себя в руки, продумать линию защиты, но накатили эмоции, а вместе с ними и беспомощность. Ругая себя, она плакала, тихо всхлипывала, представляя свою незавидную участь.

Ничего, наедине с собой можно быть слабой. На людях нельзя, только, увы, тоже не всегда получается, хотя гоэта старалась, была убеждена, что не разрыдается, не поддастся постыдной слабости, но вышло иначе.

Беспомощная – значит, беззащитная. Беззащитная – не стоящая уважения. Не стоящая уважения – безработная. Простая цепочка. Есть и другая: беспомощная – легкая добыча. Именно поэтому Эллина всегда пыталась побороть свои слабости, стараясь всегда и везде быть сильной.

А тут просто женщина. Ну да, перед лицом колеса правосудия она всего лишь жалкая выскочка, одна из многочисленных гоэт. Кому есть до нее дело?

Ночь Эллина провела в камере.

Ее мучила бессонница, и гоэта просто стояла, глядя на маленький квадрат темного неба сквозь зарешеченное окно под потолком.

Наутро, сразу после завтрака – жуткой жидкой каши – за ней пришли.

Связали руки и под конвоем вывели в тюремный двор, где ожидал уже знакомый экипаж. Только солдат было уже не двое, а четверо. Один из них защелкнул на шее Эллина какой-то амулет, от которого тотчас же разболелась голова. Гоэта догадалась, что он блокирует магические способности и заодно мысли. Видимо, судебные маги ошиблись в настройках, переоценив ее потенциал, либо пытки уже начались – как иначе можно назвать эту тупую боль в затылке?

Обвиняемую привезли в уже знакомое мрачное здание Следственного управления, но провели по другим коридорам, чтобы свести к минимуму вероятность встречи с законопослушными подданными короны. На помощь пришла та самая лестница, через чей пролет они проходили в первый раз.

Эллина ожидала продолжения допроса, на этот раз в более жесткой форме, с участием судебного мага, но ошиблась.

Меньше всего на свете она ожидала увидеть в кабинете Брагоньера Анабель. Подруга

что-то с жаром ему доказывала.

Следователь слушал посетительницу с привычным равнодушным выражением лица, постукивая кончиком карандаша по столу. Зеленые глаза смотрели в пространство: видимо, их обладатель что-то обдумывал. Но на доклад солдата он среагировал, отмер и перевел взгляд на помятую обвиняемую.

– Садитесь, госпожа Тэр.

– Как, она связана?! – взвилась Анабель. – Прикажите немедленно...

– Позвольте мне решать самому, госпожа, – оборвал ее Брагоньер. – Я выслушал вас, отнесся с пониманием к вашим показаниям, но степень вины и невинности буду устанавливать самостоятельно. Прошу вас сесть и вести себя благопристойно. В противном случае я буду вынужден вывести вас в коридор.

Следователь встал, игнорируя возмущенные взгляды Анабель, подошел к Эллине и снял медальон. Гозта сразу почувствовала облегчение и улыбкой поблагодарила за избавление от головной боли.

– Госпожа Тэр, почему вы ничего не сказали о том, что были на Яшмовой улице не одна? Я понимаю, что обсуждение личной жизни вызывает закономерное смущение, но это не тот случай, когда оно уместно. Скажите спасибо вашим друзьям, потрудившимся донести до меня столь ценные сведения.

– Так меня больше ни в чем не обвиняют? – не веря своим ушам, спросила гозта.

– После письма графа Алешанского с настоятельным требованием пересмотреть материалы дела, – Брагоньер бросил короткий взгляд на Анабель, – да. Обстоятельства изменились. Один из свидетелей уже не настаивает, что видел вас, так как в это время... хм... следил не за улицей. Извозчик же вспомнил вашего спутника. Остается второй возница, в коляске которого вы возвращались домой. Но показания господина Гланера Ашерина прояснили и этот вопрос. Вы ведь поссорились?

От нее ожидали ответа, и Эллина кивнула. Разум подсказывал, что сейчас лучше соврать, а потом выяснить, какую историю сочинил для следователя Гланер.

– Я освобождаю вас из-под стражи и приношу свои извинения за причиненные неудобства. Что поделаешь, издержки правосудия. Отныне вы проходите по делу как свидетель. Можете быть свободны. Если угодно, вас немедленно отвезут домой.

– Спасибо, я предпочла бы пройтись.

– Как пожелаете.

Брагоньер развязал ей руки и, вернувшись к столу, подписал какую-то бумагу:

– Это пропуск. Предъявите страже, и вас выпустят. Через пару дней я вызову вас для повторной дачи показаний: хочу, чтобы ваши слова выслушали маги. Всего хорошего, госпожа Тэр, удачного вам дня.

Ругая всех служащих Следственного управления, Анабель тут же увела подругу. Она и мысли не допускала, чтобы оставить Эллину одну.

По дороге гозта успела узнать, что именно стараниями Бель удалось исправить «чудовищную ошибку». Узнав, что Эллина попала в переплет, она тут же разыскала Гланера, который с радостью письменно подтвердил, что в ту ночь провожал подругу и в момент убийства находился рядом с ней.

Глава 4. В пасти дракона

Ольер ли Брагоньер постукивал пальцем по которой уже за сегодня чашке кофе и размышлял над тем, что узнал от своего друга. Должность его по некоторым причинам Брагоньер не упоминал даже в частных беседах, зато активно с ним сотрудничал. Впрочем, будучи Главным следователем Следственного управления Сатии, он и так был в курсе событий: в компетенцию его ведомства входили не только уголовные преступления.

Другу в столице, безусловно, виднее, ему можно доверять. Он ведь занимается подобными вещами по долгу службы, регулярно выплачивая через третьих лиц различные суммы сомнительным личностям. Получаемые им сведения частично шли в министерства, частично служителям закона высокого ранга, именуемым созрами. К последним относился и баронет Брагоньер.

Итак, отношения с соседями вновь оставляли желать лучшего. Это не новость, Тордешеш периодически конфликтует то с одним, то с другим государством по поводу торговых путей или укрывательства какого-то преступника. В последний раз из-за человека, заподозренного в подготовке покушения на Первого министра. Был дипломатический скандал, стягивание войск к границе, но разошлись миром.

Но тут было другое. Аварин что-то замышлял. Шпионы доносили о странной активности при королевском дворе.

Они без всяких препирательств уступили спорный остров, за который раньше готовы были биться до последнего.

Новый тардешешский посол обласкан аваринским монархом, в его честь устроен торжественный прием, его регулярно приглашает на чашечку чая королева. Аваринцы всячески делают вид, что вмиг стали доброжелательными соседями и радушными хозяевами, будто стараются загладить вину за резкость в общении с предыдущим послом.

Разрешают бывать всюду, но ничего не показывают и не рассказывают. Везде – ширма из улыбок и сладких заверений в вечной дружбе.

За прошедшие полгода посол не сообщил ничего, стоящего внимания. А почему? Потому что ему не давали собирать сведения, разыгрывали комедию, пытаясь убедить, что Аварин живет только балами, охотами и видами на урожай.

Тогда зачем строить форт вблизи тардешешской границы? И не посылать туда солдат, а отправлять на поселение мирных жителей?

Но это еще полбеда, что бы ни творилось в Аварине, оно пока не касалось Тардешеша. А ведь и в самом королевстве было неспокойно.

Из разных концов страны начали поступать сообщения о резких всплесках магической энергии, будто кто-то проводил запрещенные ритуалы. Они были нерегулярны, хаотичны и никогда не происходили одновременно. Предпоследний случился в Рамите, последний – и вовсе в Сатии.

Отодвинув чашку, следователь развернул на столе карту и, сверяясь со списком, начал наносить на нее пометки в виде красных кружков – места, где наблюдались странные явления, и приблизительная дата замеченных явлений. Точную удалось определить только однажды – здесь, в городе. Ночь убийства девушки, свидетелем по которому проходила подруга любовницы первого префекта.

Дело с той девицей – темное. Подозреваемую он отпустил, а новых у него не было.

Труп есть, причина смерти установлена лишь в общих чертах.

Брагоньер терялся в догадках, кто мог «выпить» девушку, – свидетели никого не видели.

И это оранжевое нечто, воздействующее на разум и не заметное немагам.

Те ощущения, что описала госпожа Тэр, не подходили ни под один известный ритуал. Это вообще ни на что не походило. Он даже делал запрос в Университет, советовался с влиятельными магами – ничего. Убита неизвестным существом неизвестным способом с применением волшебства.

Он уже вторую неделю бьется над разгадкой. Два преступления с одним почерком. Обе девушки незамужние, в возрасте до двадцати одного года. Одна девственница, другая нет – значит, версия о жертвоприношении отпадает. Да, Брагоньер рассматривал и такой мотив, но теперь отбросил.

Единственное, что достоверно знал следователь, – целью преступления было извлечение жизненной энергии. Либо для колдовских целей, либо для поддержания сил. Возраст жертв как нельзя лучше подходил для этих целей – чистая, незамутненная, неистраченная, концентрированная. Выбор пола, очевидно, оправдан этими же причинами: у юношей тех же лет больше вероятность порчи «питательного материала», да и девушку поймать гораздо проще. Хотя тут тоже противоречие – в Рамите жизненную энергию, пусть и в меньшем объеме, забрали и у мужчин. И им было давно за двадцать.

Может, это некто испытывает слабость к молоденьким девушкам? Или, наоборот, не любит, а ненавидит? Или ему легче их заманить?

По идее тут вырисовываются три варианта.

Преступник – мужчина. Он знакомится с жертвой, флиртует с ней, а потом делает свое «черное дело». Но у Ханны были спутники, ее никуда не заманивали, скорее, она спасалась бегством. Однако вторая жертва нигде не пряталась, а просто возвращалась домой из гостей.

Преступник – женщина. И мотив преступления – злоба и зависть. Она выбирает молодых и забирает у них то, чего лишена сама. Обладает определенными способностями и мстит за какую-то обиду. Быть может, какая-то девушка когда-то увела ее жениха или потешалась над ней, и теперь, войдя в силу, убивает тех, кто похож на ее бывшую обидчицу. Забирает жизнь целиком.

Вариант третий: преступник – неживое существо, какая-то нежить. Просто охотится, питаясь чужой энергией. Но оно не могло появиться само, его кто-то вызвал, с какой-то целью. И эта цель наверняка противозаконна.

Версий много, а преступника не найти.

Ольер ли Брагоньер терпеть не мог неразгаданных загадок. И еще больше он не любил, когда злоумышленники водили его за нос. А сейчас было именно так.

Следователь пристально взгляделся в оставленные на карте отметки, потянулся за чашкой с кофе, но замер, пораженный догадкой. Порывисто выдвинув ящик стола, он вытащил пухлую папку с делом о таинственных смертях и извлек из нее сведения, собранные об Эллине Тэр.

Пальцы быстро заскользили по листам, подчеркивая все географические именованья.

Догадка оказалась верной – гоэта бывала в тех же местах, где фиксировались магические всплески. Более того, в то же время.

Простое совпадение или нечто большее?

Граф Алешанский по настоянию любовницы заступился за эту молодую женщину, выглядела она тоже невинной овечкой, но, увы, под овечьей шкурой часто прячется волк.

– Нужно было настоять на тесте, – пробормотал Брагоньер. – Тогда бы все мои сомнения развеялись. Все сомнения и подозрения. Она казалась искренней, как гоэта не могла это сделать, но, обладай я такой силой, я бы тоже ее скрывал. И показания явно изменили под нажимом. Так, чтобы выгородить ее. Как бы то ни было, мне не стоило отпускать гоэту. Оказаться рядом с обоими трупами, быть там же, где случались странные вещи. Я не верю в случайности. Либо она и есть преступница, либо его сообщница. Либо ее кто-то использует, как орудие. При желании и достаточном опыте в магии такое вполне возможно. Лично я с таким не сталкивался, но это не означает, что такого не бывает. Нужно проконсультироваться с преподавателями Университета. В любом случае госпожа Тэр знает гораздо больше, чем рассказала. Что ж, в этот раз я допрошу ее иначе. И господин префект уже не вмешается: дело намного серьезнее.

Чутье подсказывало следователю, что он разворошил осиное гнездо.

Эллина Тэр не давала ему покоя. Все ниточки, так или иначе, вели к ней.

Преступница или жертва? Инструмент?

Возможен и еще один, маловероятный вариант – подстава. Но она же никто, таких в Сатии – десятки. Если только не обладает какими-то скрытыми способностями. Эх, нужно было провести-таки этот тест!

Перешла кому-то дорогу? Он изучил ее биографию вдоль и поперек – никого. Ничего крупнее бытовых ссор. Мстить ей абсолютно некому.

Нужно, нужно к ней присмотреться и постоянно держать на виду.

Потянувшись к чернильнице, Брагоньер быстро набросал пару строк на листе с печатью Следственного управления, поставил свою подпись и приложил личную печать.

Эллина вернулась из «Белой мышки» с очередной стопкой бумаг на перевод. Другие заказы она пока временно не брала: ночь в тюрьме не лучшим образом сказалась на ее душевном равновесии, а без него нечего и думать, чтобы браться за работу. А перевод успокаивал и приносил доход.

Гоэта с подсознательным страхом ожидала обещанного вызова на допрос, хотя умом понимала, что ей ничего не грозит. Сам Главный следователь отпустил ее, подписал бумагу о снятии с нее обвинений. Анабель утверждала, что ей ничего не грозит, что высокопоставленный любовник все устроил. Действительно, мало найдется в Сатии людей, чье слово весомее слова первого префекта. Но Эллина никак не могла успокоиться. Она все чаще подумывала о том, чтобы уехать из Сатии, отдохнуть, поправить здоровье. Но без разрешения следователя нельзя.

Перевод не шел. Гоэта бралась за него снова и снова, но не могла продвинуться дальше первой страницы. Все слова вылетели из головы, внимание постоянно отвлекали различные мелочи. Пришлось со вздохом отложить то, что должно было прокормить ее в период безденежья (бывали и такие), и выйти на улицу, прогуляться.

После ареста, встречая соседей, Эллина каждый раз испытывала смущение и стыд. Все ведь видели, как ей связали руки и затолкали в тюремный экипаж. Такое не забывается, даже если тебя оправдали, все равно постоянно станут припоминать. Дыма без огня не бывает, раз арестовали, то было за что.

Подумав, гоэта решила зайти к Гланеру: у него должна найтись бутылочка хорошего вина. А выпить ей не помешает – появится хотя бы мнимое ощущение спокойствия.

Гланер жил в Тополином проезде, на границе кварталов. Его дом выглядел намного

солиднее, чем жилище гоэты, почти особняк. И зачем одному человеку такой большой дом?

Эллине нравился сад, небольшой, но ухоженный – друг не скупился на приходящего садовника.

Для чего гоэту сад? Любит он жить на широкую ногу, с юности привык, да и девушки любят цветы. Кроме того, Гланер надеялся вслед за отцом получить дворянство, а, по его мнению, дворянин, даже будущий, не мог жить неизвестно где.

Калитка оказалась не заперта, и гоэта без труда прошла по выложенной дробленым камнем дорожке к входной двери.

Даже в подавленном состоянии Эллина не могла не остановиться перед композицией из солнечных часов (день был сумрачный, так что они не работали) и затейливого узора из ракушек и смальты. Очередная бездумная трата денег, зато необычно и притягивает взгляд.

Гланера дома не было, но открывшая дверь прислуга знала гоэту и беспрепятственно пропустила ее в комнаты.

– Проходите, я сейчас вам чаю заварю. Господин Ашерин скоро вернется. У него работа.

Эллина понимающе кивнула и прошла в гостиную, сняла ботинки и с ногами забралась на диван – друг разрешал.

Гланер появился через час, когда чай был допит, а последние новости со служанкой обсуждены. Поинтересовался самочувствием подруги, предложил съездить к источникам.

– У меня нет денег, – вздохнула Эллина. – А брать из банка не хочу.

– Зато у меня есть. Лин, что ты вечно свою гордость выпячиваешь? Я тебе не посторонний, а друг. Считай подарком.

– Прости, но я таких подарков не беру: не желаю быть никому обязана.

– Вот упертая! В кого ты такая уродилась? А если в долг? Или в долг ты тоже не живешь?

– В долг могу, – согласилась гоэта, отхлебнув из чашки сомнительного цвета напиток – успокоительное, приготовленное Гланером. – Я бы на пару недель съездила, никогда ведь там не была... Красиво, наверное. Только это все мечты.

Она поставила чашку на стол и спустила ноги на ковер.

В гостиной уютно, много разных диковинок из других стран. Сразу видно, вкус у хозяина есть.

Эллина хихикнула, вспомнив, каким видела обладателя этого хорошего вкуса.

Гланер любил выпить, не раз напивался так, что свинье стыдно бы стало. Но, надо отдать ему должное, вел себя прилично, песен не пел, лицом в тарелке не засыпал.

Разговор зашел о показаниях, которые гоэт дал следователю. Как и предполагала Эллина, они были правдивы ровно наполовину. Да, провожал, но на ночь не напрашивался, с ней не ссорился. Да, тело гоэта нашла, но Гланера не звала.

Дальше, по версии друга, Эллина закатила истерику, пожелав немедленно попасть домой. Гланер же якобы убеждал ее сначала заявить о преступлении. Очередная ссора – и гоэта сбежала в расстроенных чувствах.

Друг заставил Эллину вызубрить эту историю, несколько раз пересказать ее от своего лица и, изображая следователя, задал несколько каверзных вопросов.

Гоэта понимала, что его настойчивость и придирчивость оправданы: истинных показаний для подтверждения ее невиновности недостаточно, поэтому приходилось заучивать правдоподобные ложные.

Убедившись, что подруга уже не путается в деталях, Гланер с таинственным видом

извлек из шкафчика два бокала, поставил на стол и отправился в подвал за вином.

Выпили за то, чтобы произошедшее с Эллиной стало самым худшим событием в ее жизни.

Как и предполагала гоэта, после разговора с Гланером стало легче. Он, безусловно, мужчина не без недостатков, иногда доводит ее до белого каления, но в беде не бросит. Настоящий друг. Вот и теперь вспомнил какого-то знакомого, жившего в курортном городке рядом с термальными источниками, дал его адрес и обещал попросить, чтобы тот бесплатно приютил Эллину.

– Поживи там, пока все утрясется. Ванны попринимай, поплавай, воздухом подыши. О деньгах не думай, мы с друзьями скинемся. Если не хочешь брать безвозмездно, отдашь потом частями.

– Но, Гланер, мне не разрешено покидать Сатию.

Идея с источниками казалась соблазнительной. Положим, на пару недель курортной жизни ей даже хватило бы, особенно если денег занять, но запрет на выезд из города никто не отменял.

А ведь она уже размечталась, как будет нежиться в теплых водоемах, пить целебную воду. И для поправки здоровья, и для кожи полезно.

Что, неужели она не заслужила отдыха? Осенью там наверняка все дешевле: приезжих меньше, да и погода не очень, зато источники такие же горячие. Там ведь и отдельные ванны есть, под крышей – Гланер рассказывал.

Хотелось посмотреть на море, пусть даже штормящее и неприветливое. Море и горы в сизой дымке.

– Не беспокойся, мы с ребятами сходим к твоему соэру Брагоньеру, все объясним. Он же не дурак, поймет, что ты не могла никого убить. Смешно же! Он бы еще себя самого в убийстве обвинил, и то правдоподобнее бы вышло. Уверен, соэр тут же отменит это дурацкое постановление. Так что спокойно собирайся, укладывай вещи. Сегодня же зайду в «Белую мышку», поговорю с остальными гоэтами. Не позволим мы пятнать честное имя нашей коллеги!

Эллина благодарно улыбнулась и, наклонившись, поцеловала друга в щеку. Тот сгреб ее в охапку и принялся щекотать. Гоэта визжала, отчаянно пытаясь вырваться. Гланера, похоже, это забавляло.

Наконец он отпустил ее, наградив традиционным шлепком.

– Скажи мне, паршивец, когда ты избавишься от этой привычки?

– А что, тебе неприятно? – усмехнулся гоэт. – Да и что плохого, если мне твоя попка нравится?

– Послушай, Гланер, – нахмурившись, начала Эллина, но друг перебил ее:

– Знаю, сто раз уже слышал, все хорошо помню. Хочешь дословно: «Если ты, извращенец, будешь ко мне лезть, чего-то можешь не досчитаться». Так, кажется, ты мне сказала на заре нашего знакомства, когда я предложил тебя погреть ненастным зимним вечером.

– Как же, предложил! – хмыкнула гоэта. – Ты без слов обошелся.

– А ты мне коленом... С тех пор и дружим. Кому рассказать – обхохочутся. Лин, а насчет погреть... Серьезно говорю – тоскливо станет, позови. Ты моя подруга, а друзьям нужно помогать.

– Спасибо, но в подобной помощи не нуждаюсь. Больше чем на поцелуй, не

рассчитывай.

– Скучная ты, Лина! Расслабься, я даже поцелуев требовать не стану. Пойдем, домой провожу, а то вдруг опять неприятности на свою голову найдешь.

Распроставшись с Гланером у собственной двери и еще раз поблагодарив за помощь, Эллина попробовала снова заняться переводом, но опять неудачно. Видимо, вино не только успокоило нервы, но и на умственных способностях сказывалось не лучшим образом. Точнее, на восприимчивости к языкам.

Поняв, что сегодня все равно ничего не выйдет, гоэта отложила в сторону работу и отперла нижний ящик стола, где хранила разные полезные вещицы: нужно было переписать в тетрадь адрес, который дал Гланер.

Эту тетрадку Эллина вела с первого года обучения в училище, занося туда все, что могло бы ей потом пригодиться, все, что не касалось учебы.

Копаясь в ящике, гоэта неожиданно наткнулась на обрывок тисненой бумаги. Развернув его, она с удивлением обнаружила, что бумага гербовая. И не тордехешская, а аваринская. Как бы средне гоэта ни училась, символику сопредельных государств она знала.

Рассмотрев бумагу со всех сторон и убедившись, что она не поддельная, Эллина решила прочитать, что в ней написано.

Тоже на аваринском.

Пришлось взять словарь – памяти гоэта не доверяла, особенно после распития спиртных напитков.

Пробежав глазами пару строк, Эллина поняла, что от бумаги нужно избавиться немедленно. Если ее найдут, одиночная камера станет пожизненной спутницей госпожи Тэр. Нет, в общую ее не посадят, чтобы не смешивать уголовных и политических преступников.

Какой приговор ей вынесут? Гоэта была не сильна в законах, но догадывалась, что за измену, даже подозрение в пособничестве по головке не погладят. Одинокая старость за решеткой – самый мягкий вариант.

А тут еще эти два убийства...

В горле пересохло. Тело обмякло, и гоэта тяжело опустилась на пол, все еще сжимая в руках злосчастный клочок бумаги. Кусочек похвальной грамоты от короля Аварина за неоценимую помощь, оказанную государству.

Имени нет – оборвано, но и без него доказать что-либо будет очень трудно. Одно: «Ваши старания не окажутся неотмеченными и будут надлежащим образом оплачены» тянет на плаху. Вернее, на веревку. Мешок и веревку. Таких, как она, кажется, топят. Да, топят, вешают простолюдинов. А гоэтам – привилегия более красивой смерти.

Но откуда взялась эта грамота, как она оказалась среди личных бумаг? Когда и кто ее подложил?

Да когда угодно, Эллина сто лет не убиралась, не заглядывала в этот ящик. И сегодня открыла чисто случайно. Спасибо Гланеру, если бы не он, вернее, его знакомый, эта гадость так бы и лежала среди ее вещей.

Гоэта торопливо затеплила свечу и сожгла компрометирующую бумагу. Затем начала лихорадочно переворачивать все вверх дном, опасаясь, что где-то спрятаны остальные клочки грамоты. Но ничего не нашла.

Беспокойство и страх снова железной хваткой вцепились в горло.

Уехать из Сатии, чем скорее, тем лучше!

«Кому, кому я перешла дорогу, кто желает моей гибели?» – расхаживая из угла в угол,

рассуждала Эллина. И не находила ответов.

Успокаивающее действие вина улетучилось, дыхательные техники тоже не помогали, и гоэта решила выпить успокоительное.

В шкафчике с лекарствами ее постигла неудача – пустой пузырек. Конечно, она же выпила остатки лекарства после освобождения из тюрьмы. Придется варить новое, но что она такими трясущимися руками сварит?

Урсула заметила ее дрожь, спросила, в чем дело, но гоэта отделалась общими фразами.

Ничего, как-нибудь справится. Распустилась, если и дальше дело так пойдет, в тряпку превратится. И будет аптекарю склянки мыть, потому что другой работы для такой девицы не найдется. Кисейная барышня, размазня!

Кое-как поела и полезла в кладовку за травами. Разумеется, одной не доставало, так что придется снова выходить на улицу.

Решив заодно прикупить парочку других ингредиентов для востребованных снадобий, Эллина накинула пальто, взяла сумку и вышла из дома.

Плескавшиеся в желудке две рюмки крепкой настойки привели ее в более-менее сносное состояние. Гоэту больше не трясло, глаза нервно не бегали по сторонам в поисках неведомо чего.

В конце концов, все хорошо, опасную бумагу она уничтожила. А таинственный недоброжелатель... Как-нибудь с ним справимся. Можно обо всем рассказать Анабель, она не разболтает и обязательно поможет – с ее-то связями!

Подумав, Эллина решила отложить покупки и сначала съездить к Бель. Это важнее.

А со страхом и волнением нужно учиться бороться. Она и так постыдно повела себя с трупом той девушки – а ведь должна была позвать стражу. Не напугала же ее Ханна, не пасовала же она перед орками и сомнительными типами – клиенты разные бывали. И постоять за себя могла.

Денег должно было хватить на поездку в обе стороны. Стемнело, и гоэта не желала блуждать во мраке: с некоторых пор она не любила ночь. Наверное, потому что отныне чувствовала себя незащищенной в мире теней.

«Виной всему усталость, напряжение последних дней и переработки, – подумала Эллина, забираясь в экипаж и называя извозчику адрес подруги. – Отдохну – и все как рукой снимет. А пока на травках посижу. Спиртное, конечно, быстрее действует, но что-то не хочется мне спиться во цвете лет».

Анабель гоэта дома не застала. Прислуга сказала, что она уехала в театр.

Эллина завистливо вздохнула: ей это развлечение было недоступно. Публичных представлений в Сатии не давали – не принято, а в частный дом ее никто не пустит. Бывает, иногда раздают приглашения, но их опять-таки без знакомства не получишь. Бель пару раз ко дню рождения приносила.

Так неловко было: сидишь в зале, где одни дворяне, маги и чиновники, чувствуешь себя не в своей тарелке.

Гоэта всегда садилась с краешку, чтобы никого не смущать своим присутствием. Но на нее обычно не обращали внимания, разве что бывшие клиенты узнают, пару вопросов зададут.

Представления длятся долго, ждать Анабель – никакого смысла, поэтому Эллина решила оставить записку. Всего пару строчек: «Анабель, нам нужно срочно поговорить о чем-то важном, связанном со мной. Приходи так скоро, как сможешь, лучше завтра же утром. Лина».

Благополучно добравшись до своего квартала на извозчике, гоэта велела остановиться в Аптекарском переулке и, расплатившись, отпустила экипаж.

В знакомых окнах теплился свет.

Толкнув дверь со скрипучим колокольчиком, Эллина вошла, поздоровалась, справилась о наличии работы – нет ничего, – и закупила все необходимое.

После аптеки переулочек показался крошечной тьмой. Но буквально через минуту глаза привыкли к тусклому освещению, вернув все на свои места.

Пожевывая листик мяты, подметив, что заметно похолодало, посему неплохо бы скорее попасть домой, к очагу, гоэта шла в сторону Тенистой улицы. Случайно наклонилась, чтобы поправить чулок (пока никто не видит, можно), и в серебрившейся светом фонарей и луны луже увидела тень. Какое-то существо с желтыми глазами.

Сначала Эллина подумала, что это собака, спокойно выпрямилась, сделала шаг и только потом поймала себя на мысли, что у собак не бывает желтых глаз.

– Пригрезится же! – рассеянно пробормотала она и обернулась, чтобы убедиться, что ошиблась.

Но убедиться не пришлось – оно там было. И вовсе не собака. Рассмотреть, кто именно, не успела – тень пришла в движение. Слегка припала к мостовой и прыгнула, ножом вспоров ночь за спиной гоэты, отрезая пути к Тенистой улице. Эллина ощутила лишь дуновение воздуха.

Не питая иллюзий насчет дружелюбности странной твари, чьи зыбкие контуры не удавалось разглядеть даже в круге света фонаря, гоэта выхватила кинжал. Да, безусловно, тут бы что-нибудь посущественнее, хотя бы ее флиссу, но, увы, чем богаты, тем и рады. Спасибо, что вообще оружие есть.

Существо ощерилось, сверкнув желтыми раскосыми глазами. Странно и страшно они горели, будто пламя. И зрачка будто нет – настолько узок и подвижен.

Эллина оценила свои шансы остаться живой, если эта тварь нападет снова, – практически никаких. Она не боец, а зверь изначально быстрее человека. Обыкновенного человека, не пользующегося какой-то дополнительной силой или умениями.

Перехватив удобнее кинжал, не сводя глаз со странного существа, напоминавшего сгусток тьмы, гоэта намотала ремень сумки на свободную руку – получилось что-то вроде щита.

Она мелкими шажками начала двигаться в сторону Тополиного проезда, но ее туда не пустили – тварь мгновенно переместилась, впери в гоэту свои странные глаза.

Не нападает, но и не отпускает, будто пока не решила, как поступить. Или дожидается приказа. А, может, ей поручили задержать Эллину, к примеру, до прихода хозяина существа.

– Убирайся! – крикнула гоэта, перебирая свои немногочисленные магические умения. Увы, ни одно из них не могло помочь в поединке, разве что...

Охранный заклинание! Но для него нужно время, палочка, записи... Почему, ну почему у нее нет с собой хотя бы палочки? А так получится нечто хрупкое, одноразовое. Если ей позволят его сотворить.

Тварь играла с Эллиной, как кошка с мышью, наслаждаясь ее беспомощностью. Танец на мокрой мостовой длился несколько минут, наверное, даже больше, пока один из его участников не разорвал цепь фигур.

Гоэта не заметила движения, ощутив только боль от удара и холод камней.

Один из бульжников впился между лопатками, висок ломило от соприкосновения с

твердой поверхностью.

Упершись лапами в грудь жертве, тварь не давала подняться. Эллина попыталась вонзить в нее кинжал, но промахнулась. Зато существо отпрыгнуло, даря временную свободу.

Гозта с трудом, держась рукой за голову, села. Пальцы измазались в чем-то теплом – кровь. Значит, она разбила висок. Еще бы, после такого падения! Ее же сшибли с ног, применив силу, которой хватило бы мужчине. Странно, что Эллина так легко отделалась – ссадинами, ушибами и кровоподтеками. Кажется, ничего не сломала, но сотрясение точно есть.

Сжав зубы, борясь с дурнотой, гозта поднялась на колени. На ноги пока не могла.

Решив, что не стоит геройствовать, теряя жизнь в вечернем сумраке переулка, Эллина позвала на помощь.

Тварь среагировала мгновенно – ухватила за шиворот и поволокла прочь, подальше от людей.

– Отпусти, демоново отродье! – гозта изо всех сил всадила в тело мучительницы кинжал.

Существо дернулось, выпустило свою добычу и рвануло зубами рукав пальто. Не раздробило запястье только благодаря браслету, который Эллина зачем-то надела с утра. Зато кончики зубов, соскользнув с металла, оставили кровавые бороздки на коже.

От следующего знакомства со смертоносным содержимым пасти гозту спасла сумка. Ей, увы, пришлось пожертвовать, зато тело осталось без повреждений.

Но лимит везения был исчерпан, в следующий раз тварь должна была добиться цели.

Эллина кричала так, что сорвала голос, зато на ее вопли сбегались люди, спугнувшие странное существо. Едва скрипнула дверь аптеки, как оно тенью растворилось в сумраке.

Аптекарь оказал гозте первую помощь, услужливо собрал разбросанные по переулку покупки и поручил одному из знакомых Эллины, оказавшемуся рядом, проводить ее до дома.

– Там была магия? – шепотом поинтересовалась гозта, повиснув на руке своего спутника.

Тот неопределенно пожал плечами:

– Что-то странное, непонятное. И да, и нет. Тепловая карта ничего не дала, будто там неживое существо было. Хотя мы ведь свой след тоже увидеть не можем, если не творим заклинаний, на это только маги способны. А вот в воздухе кое-что осталось. И оно, как ни странно, говорит о том, что тебя травили не волшбой. Оборотни, случаем, в Сатии не завелись?

– Сам знаешь, они в Тордехеше двести лет назад вымерли, – возразила Эллина. – А те редкие экземпляры, что выжили после массового истребления, размножаться самостоятельно не могут, прячутся по деревням и постепенно дохнут от старости.

Гозт промолчал, а может, просто не стал утомлять коллегу разговорами. Ей бы полежать, выспаться и думать поменьше.

На пороге дома их встретила встревоженная Урсула. Завидев Эллину, она отчаянно замахала руками и приложила палец к губам.

Значит, в доме кто-то есть, и этому кому-то не стоит видеть гозту.

Хозяин «Белой мышки» без вопросов выделил в ее распоряжение одну из комнат и послал за врачом. Его сынишка следил за жилищем Эллины, чтобы сообщить, когда уйдут незваные гости.

Ушли они поздно, ближе к полуночи, когда гозта под действием успокоительного

заснула. Трактирщик решил, что не стоит тревожить ее до утра, тем более врач прописал покой и постельный режим дня на два – на три.

Но покой Эллине, увы, только снился: пришедшая на завтра в «Белую мышку» Урсула сообщила тревожные новости: вчера в их дом приходили солдаты. С обыском. И предписанием госпоже Эллине Тэр проследовать с ними для дачи показаний. По словам служанки гоэты, им разрешалось применить силу в случае сопротивления.

– Я сказала им, что вы у подруги. Так не поверили, до ночи просидели. Потом ушли, злыдни. Бумажку-то мне оставили, сказали, что вас действительно желают видеть в Следственном управлении. Мол, сроку у вас день, чтобы добровольно явиться, а после уже арестуют.

Слушая Урсулу, Эллина благодарила богов за то, что успела найти и сжечь тот кусочек грамоты.

Часом позже приехала Анабель, встревоженная запиской подруги. Выслушав ее сбивчивый рассказ, авторитетно заявила, что той нужно немедленно уезжать из города.

– Тебя кто-то травит, Лина, и этот кто-то не остановится, пока не посадит тебя в тюрьму. Не беспокойся, я все устрою. Достану через Тейнаса новые документы, позабочусь о том, чтобы стражники не придирались. Ехать-то есть куда?

– Да. Мне Гланер адрес одного знакомого дал. Далеко от Сатии, у источников.

– Вот и чудесно! Деньги мы тебе соберем, вещи уложим, ты пока лежи, сил набирайся. Думаю, верхом тебе ехать не стоит, куплю тебе место в дорожной повозке. Их и досматривают реже, обычно только списки пассажиров сличают. Урсула, ты, если солдаты заявятся, скажи, что госпожа все еще у подруги, в каком-то имении под Сатией. А Звездочку вели ко мне привести – это чтобы они лошадь не конфисковали. Мало ли чего им в голову взбрет!

– И угораздило же тебя, Лина, – вздохнула Анабель, – к Главному следователю в лапы попасть! Этот и моему Теймасу может зубы показать, если тот станет слишком сильно настаивать закрыть дело. Вот уж пиявка – вцепится, не отдерешь!

– Все так плохо? – приподнявшись на высоких подушках, шепотом поинтересовалась Эллина.

– Бывает намного хуже, – пожала плечами оптимистичная подруга и виновато добавила: – Прости, но Теймас больше за тебя просить не станет. Зато мы постараемся. Будь уверена, я обеспечу этому соэру головную боль на всю оставшуюся жизнь.

Оставив гоэту лежать в «Белой мышке», ее друзья и знакомые развели бурную деятельность, в результате которой она тем же вечером стояла у стоянки дорожных повозок.

Чтобы успокоить, поглаживала Звездочку.

Одетая, накрашенная и причесанная так, чтобы никто не признал в ней при скудном освещении Эллину Тэр, Эллина все равно боялась, что план провалится.

По новым документам она значилась вдовой аптекаря – это должно было объяснить наличие в сумках снадобий, если бы их стали досматривать.

Место в повозке купили до ближайшего крупного города – далее Эллина планировала путешествовать самостоятельно, понимая, что так у нее будет гораздо больше шансов скрыться от преследования властей.

Если бы голова прошла, она бы и Сатию покинула верхом, но последствия встречи с неизвестной тварью в Аптекарском переулке давали о себе знать.

Головокружения и тошнота с укором напоминали о предписаниях врача, но гоэта при

всем своим желанием не могла их выполнить.

Но Эллина старалась держаться прямо, не привлекая к себе внимания.

Постепенно стоянка заполнилась людьми, которыми так же, как ею, овладела тяга к перемене мест.

Неспешно подкатила дорожная повозка. Начали грузить вещи, рассаживать пассажиров.

Проследив за тем, чтобы Звездочку привязали, гоэта тоже заняла свое место. Не у окна, а посередине, чтобы свет фонаря стражника отбрасывал на лицо тень. Она была не настолько сентиментальна, чтобы провожать тоскливым взглядом улицы и стены Сатии, собственная безопасность дороже. Не в последний раз видит, еще вернется, когда весь этот кошмар закончится.

Убедившись, что весь багаж погружен, а среди набивших повозку людей не притаились неучтенные пассажиры, кучер забрался на козлы и весело щелкнул кнутом.

Глава 5. Тени и шорохи

Эллина дремала, откинувшись на спинку сиденья.

Голову то и дело клонило на плечо соседу, но гоэта старалась не допускать подобных вольностей.

Ей по-прежнему было плохо, а колдобины вызывали непроизвольные спазмы желудка. Приходилось постоянно нюхать подушечки с травами.

Судя по взглядам попутчиков, они полагали, что Эллина беременна. Ее это устраивало: не придется объяснять недомогания. А живот... На первых месяцах он незаметен, зато постоянно выворачивает наизнанку. В училище кратко рассказывали о подобных вещах – не для личного пользования, а для работы. Беременные – хорошие клиенты, за облегчение их страданий платят неплохие деньги. Теперь полученные знания помогали Эллине бороться с тошнотой, вызванной другими причинами.

– Да вы прилягте, зачем же так мучиться? – предложила соседка справа, женщина неопределенного возраста и положения. – Что ж вы, дорогая, без дорожной подушки путешествуете? Без нее ведь одно мучение.

Гоэта поблагодарила за заботу, но отказалась. Ничего, скоро рассветет, утро они встретят уже на постоялом дворе.

Это единственный ночной переезд – на дорогах станет небезопасно.

Эллина все же не выдержала, заснула. Тело само собой нашло более-менее удобное положение, а голова – мягкую опору. Хозяин этой опоры и разбудил гоэту, когда дорожная повозка въехала в деревню, где намечалась первая остановка.

Пассажиры, потягиваясь, разминая затекшие мышцы, выбрались наружу, поеживаясь спросонья от студеного воздуха.

Солнце только-только взошло, и дыхание едва заметной струйкой пара поднималось к небу. По ночам уже холодно, хотя заморозков нет, но они не за горами, вот-вот окутают землю искрящимся инеем.

Забрав вещи, пассажиры гуськом, чвакая ногами по немощенной деревенской улице, побрели к постоялому двору, чтобы позавтракать и немного отдохнуть.

Кучер распряг лошадей, давая и им возможность перевести дух и пожевать овса в конюшне.

Эллина вошла на постоялый двор последней, проследив, чтобы о Звездочке позаботились должным образом. Разумеется, не бесплатно, но деньги у нее были – спасибо друзьям. Они и слушать не стали ее возражений, насильно сунув в руки увесистый кошелек.

Стоянка длилась четыре часа – достаточно, чтобы восстановить силы.

Первым делом, войдя в обеденный зал, гоэта попросила кружку воды и растворила в ней прописанные врачом капли. Потом кое-как, безо всякого аппетита, поела. Съела мало – мешала легкая дурнота.

Но Эллина понимала, что голод не преминет проявиться позднее, уже в пути, поэтому запаслась нехитрой провизией: яблоками, хлебом и сыром. Какая хозяйину разница, съест ли она это сейчас или возьмет с собой, лишь бы оплатила.

За комнату отдала сущую безделицу – десять медяков – и, не обращая внимания на убогую обстановку и сомнительную чистоту, завалилась спать. Опоздать к отъезду не боялась: служанка согласилась разбудить за лишнюю монетку.

Кратковременный сон пошел гоэте на пользу, унеся с собой дурноту. Тело по-прежнему ломило – не заживают ушибы так быстро, зато запах пищи не вызывал рвотных рефлексов.

Она была одной из последних, кто вышел во двор и сел в повозку. Теперь Эллина устроилась у окна, поменявшись местами с пожилой парой. Отныне ей необходимо было наблюдать за дорогой, чтобы появление погони не стало неожиданностью.

Если что, выпрыгнет на ходу. Да, можно покалечиться, но зато есть шанс уйти от солдат.

Звездочка, если постарается, может отвязаться или оборвать повод. Но гоэта готовилась к тому, что спастись бегством придется без нее.

Опасениям Эллины не суждено было оправдаться. Весь день прошел в пути под монотонный стук копыт, дребезжание и покачивание повозки и подпрыгивание на ухабах.

Пару раз останавливались: один раз у рощицы, разделившей пассажиров по половому признаку, и в придорожной корчме.

Медленно приближался Бреар – первый город по пути из Сатии на юг. В нем Эллина планировала сойти, позволить себе небольшую передышку и самостоятельно двинуться дальше.

На место ночлега – очередной деревенский постоялый двор – въехали уже в сизых вечерних сумерках.

Место оказалось оживленным, а их повозка – не единственной, заглянувшей на огонек. В ряд выстроились возы с тюками, разномастные телеги; у коновязи не было ни одного свободного места. Гоэта начала опасаться, что и комнаты уже все заняты, но одна все-таки нашлась. Одна на двоих.

Вздыхая, Эллина согласилась разделить ее с самой безобидной на вид пассажиркой, надеясь, что та не станет задавать лишних вопросов по поводу ссадин и синяков. А их и на руках было достаточно.

Увы, женщина оказалась любопытной, хотя гоэта сделала все, чтобы скрыть последствия встречи с тварью в Аптекаарском переулке. К сожалению, чтобы умыться, нужно было закатать рукава.

– Ой, а кто это вас?

– Никто, – буркнула гоэта, морщась от попавшей в ранку воды.

Хорошо, что следы от зубов перевязаны, не так страшно выглядят. А вот синяки цветут буйным фиолетовым цветом.

– Муж? – не унималась любопытная.

– Упала. Да какая вам разница? Благодарю, но я в сочувствии не нуждаюсь.

Женщина насупилась, но замолчала.

Наконец они въехали в Бреар.

Эллина вновь сидела в глубине повозки, тщательно шурясь, стараясь скрыть цвет глаз.

В дневное время стражники въезжающих не досматривали, но в этот раз сделали исключение.

Повозка пристроилась в конце очереди ожидающих проверки. Двигалась она неравномерно, в зависимости от того, показались ли путешественники подозрительными. Гоэта заметила, что особенно тщательно проверяли всадников и торговцев.

От кучера потребовали список пассажиров и их документы. Когда, возвращая бумаги, дежурный офицер мельком заглянул в повозку, сердце Эллины замерло, а пальцы непроизвольно впились в сиденье. Хорошо, что он этого не заметил.

Сойдя неподалеку от городских ворот, получив Звездочку и багаж, гоэта осмотрелась,

умело приладила сумки на спину лошади и зашагала сквозь людскую толчею.

Мимо первой гостиницы она прошла, а вот вторая ей приглянулась – большая, шумная. С некоторых пор Эллина пришла к выводу, что иногда скопления людей не зло, а благо: кто запомнит в лицо одну из десятков постояльцев? К примеру, в домашнем пансионе ее стали бы пристально рассматривать, а так – скользнут взглядом и не заметят.

Номер удалось снять без труда: как оказалось, желающих поесть и выпить было гораздо больше, чем желающих переночевать.

Эллина не стала торговаться, взяла что дают. Пообедать решила внизу: закажешь еду наверх, обязательно запомнишься. Да и городские сплетни стали насущным хлебом. Где еще она узнает, разыскивают ее или нет?

Риск? Безусловно, но он теперь на каждом шагу. Опасность найдет и за запертой дверью, если уж гончих спустили, они возьмут след.

Торопливо пережевывая пищу, прислушивалась к разговорам, стараясь быть наготове, чтобы успеть выбраться на улицу через окно. Но обсуждали в основном местные новости. Ничего интересного, ничего, из чего бы она могла извлечь хоть какую-то пользу.

Но отсутствие новостей – тоже приятная новость.

Эллина смутно представляла, где находится интересующий ее курортный город, поэтому решила навести справки, как добраться до источников. Спросила не у хозяина гостиницы, а у одного из торговцев. Он ехал в нужном направлении, значит, должен был знать.

Долго думала, под каким предлогом подойти, как вклиниться в разговор, потом вспомнила о том, что попутчики принимали ее за беременную, и пришла к выводу, что будет изображать ее и впредь. Хотя бы здесь, в Бреаре. Будущие мамы часто ездят на юг (если деньги и возможность есть), так что расспросы не покажутся подозрительными даже в разгар осени. А почему без мужа... Так по документам она вдова.

Постаравшись изобразить безутешную скорбь, гоэта задала животрепещущий вопрос. Вопреки ожиданиям, ее не удостоили пристальным вниманием, отмахнувшись невразумительным ответом. Выручил вертевшийся рядом мальчишка, подсказавший нужную дорогу. Дальше она и сама разберется, в крайнем случае местных жителей расспросит. Они, в отличие от постояльцев гостиницы, более надежны, меньше вероятности, что заподозрят что-то неладное.

Поев, Эллина отважилась выйти в город. Ей нужно было найти один из информационных листов, развешиваемых в людных местах и возле правительственных учреждений. В гостинице такого не нашлось, но хозяин заверил, что таковой точно найдется возле храма на площади Двух фонтанов.

Стараясь не выделяться из толпы, гоэта дошла до храма. Она еще издали заметила подрагивающие на ветру листы, но заглянуть в них сразу не решилась. Сначала прошла на территорию храма, достала из кошелька пригоршню монет и пристроилась на корточках в дальнем конце одного из прудов.

Молитвенно опустив ладони на бортики, Эллина аккуратно коснулась лбом холодного камня, прошептала слова приветственной молитвы, а затем с тихим звоном рассталась с приготовленными монетами. Сполохами солнца они скользнули на дно, увлекая за собой просьбу гоэты: дозвольте остаться в живых, дозвольте сохранить честное имя.

Убедившись, что боги не отвергли дары (но слышали ли?), а за ней никто не следит, Эллина поднялась на ноги, повернувшись лицом к святилищу, сотворила храмовый жест, поклонилась и вернулась к ограде.

Гоэта с тревогой вглядывалась в скупые строки, пропускала записи о новых указах и налогах, спускаясь все ниже и ниже, туда, где за жирной черной чертой вписывались приметы и имена разыскиваемых преступников. Она боялась найти там свое имя. Но его не было. Эллина перечитала перечень еще раз и опять не нашла.

Робкая надежда расправила крылья.

Вдруг Анабель смогла, вдруг это страшное недоразумение улажено? Ведь как это может быть, чтобы она, Эллина Тэр, добропорядочная и законопослушная подданная его величества, всегда лояльная власти, никому не перешедшая дороги, неприметный обыватель, вдруг была объявлена убийцей?

Эллина даже представить не могла, как можно убить человека. Она бы не смогла.

В который раз гоэта задала себе вопрос: почему именно она? Обвинили первую встречную? И кто написал на нее донос? Кто и за что ее ненавидит, и почему следователь не желает ей верить? Выходит, вся ее порядочность, весь ее послужной список ничего не значат, и пусть она будет клясться, что невиновна, поверят не ей, а анонимному доносу.

Глаза наткнулись на дату информационного листа, и у надежды опали крылья. Он был помечен позапрошлым днем. Тогда ее еще не искали по всему Тордехешу.

Не задерживаясь у храма, Эллина, подбадривая себя воспоминаниями о передрягах, из которых ей доводилось выбираться, отправилась на поиски рынка. Нужно было запастись провизией – тем, что питательно, но долго хранится.

Купив все необходимое для длительного путешествия, того, что она не взяла из Сатии, гоэта вернулась в гостиницу и заперлась в своем номере.

Остаток дня посвятила отдыху.

Бреар Эллина покинула на рассвете, сразу после того, как распахнулись городские ворота. Одета она была уже иначе, в привычный наряд для конных поездок: в юбке верхом далеко не уедешь, а в брюках и удобнее, и теплее.

Стража ее пропустила – наверное, приняли за боевую магичку.

Ольер ли Брагоньер в ярости сжимал кулаки. Перстень неприятно скрежетал по столешнице, оставляя на ней глубокие бороздки.

Лицо по-прежнему хранило бесстрастное выражение, но сидевшие в кабинете начальника подчиненные знали, что это всего лишь маска, вроде той, что следователи иногда надевают на допросы. Догадывались и солдаты, неуклюже переминавшиеся с ноги на ногу у двери.

– Ну? – Главный следователь откинулся на спинку стула.

Секретарь живо ухватила за перо, готовая тут же приступить к записи показаний.

– Ее дома нет, господин соэр. Служанка ее ничего не знает, твердит, что госпожа у подруги.

– Адрес, имя.

– Кого? – не понял солдат.

– Подруги госпожи Тэр. Или ты не удосужился спросить?

Зеленые глаза впились в лицо солдата, заставив того потупить, как шестнадцатилетнюю девицу. Комкая перевязь, он молчал, догадываясь, как «обрадует» Брагоньера очередное «не знаю».

– Я жду. Ты и так заработал на выговор.

– Она не знает, господин соэр, говорит, та живет под Сатией.

– Врет, – безапелляционно заявил следователь, делая какие-то пометки. – Немедленно

доставить на допрос в управление. Ответственный, – он задумался, обведя глазами присутствующих, – господин Зонер. В случае упорства допрашиваемой разрешаю применить легкие пытки. Полагаю, пытки каплями воды будет достаточно. Показания служанки должны лечь мне на стол сегодня же.

Подчиненный, недавно принятый на работу следователь, кивнул и вышел, забрав солдат. Их место заняла стража, охранявшая ворота прошлым днем и ночью.

Соэр скрупулезно допрашивал всех, пятерку за пятеркой, холодно повторяя одни и те же вопросы. Его интересовало, через какие ворота и когда Эллина Тэр покинула город. Однако ничего путного он не добился.

Но Брагоньер не привык отступать. Он приказал произвести вторичный, более тщательный обыск дома Эллины и опросить соседей:

– Меня интересует, где и когда ее видели в последний раз, с кем она общалась, во что была одета. Кто заходил в дом в ее отсутствие и какой масти ее лошадь.

Через два часа он получил ответы на некоторые из своих вопросов и позволил себе удовлетворенно улыбнуться. Пряталась в трактире «Белая мышка», по дому бродили ее знакомые, спешно собирая вещи, лошадь серая.

Соэр вывел на листе с печатью Следственного управления список (или, если соседи не знали имен, приметы) людей, общавшихся со сбежавшей обвиняемой в тот день, и заново допросил стражников. Дежурившие в ночь показали, что похожая лошадь была привязана к дорожной повозке, покинувшей Сатию через южные ворота. Только женщины по имени Эллина Тэр в списках пассажиров не было.

– Разумеется. Поддельные документы. Ей тридцать четыре, по возрасту кто-то подходил?

– Там было темно, господин соэр, – оправдывался дежурный офицер.

– Перечень пассажиров мне на стол. И если она ускользнула в вашу смену, будете разжалованы. В любом случае буду требовать сурового взыскания. Для всех. За халатное исполнение служебных обязанностей.

Брагоньер уже знал, что за день до побега в Аптекарском переулке произошло нечто странное. Говорили о нападении некой твари, однако никто этой твари не видел, за исключением госпожи Тэр. Но это не было плодом воображения гоэты – на месте читались следы присутствия неизвестного. Тонкий магический след, который сейчас изучали судебные маги.

Следователь еще не был на месте происшествия, но собирался наведаться туда ближе к вечеру, после допроса ключевых свидетелей. Если там есть что-то интересное, оно останется.

Жертвой нападения стала обвиняемая – на мостовой осталась ее кровь. Допрошенный гоэт и аптекарь подтвердили, что у нее был и разбитый висок, и порезы на руке – достаточно для найденных на камнях следов.

Кровь человеческая, принадлежит женщине – судебные маги проверяли. Соэр жалел, что ее слишком мало, чтобы проверить сущность гоэты. Так бы отпали многие вопросы.

В свете недавних событий следователь склонен был полагать, что причиной происшествия стала неудачная попытка вызова демона. Скорее всего, того самого, который убивал девушек. Почерк похожий, темные твари умеют «выпивать» людей. К счастью, только некоторые, причисляемые к подлежащим немедленному уничтожению.

Брагоньер перерыл море литературы, пытаясь понять, кто может вызывать (или

материализовываться) в виде заметного на тепловом уровне оранжевого полога, воздействовать на сознание и не иметь ауры. Хотя отсутствие ауры не доказано: зафиксировать это может только опытный маг не ниже второго уровня. Таковых в момент преступления рядом не оказалось, а аура – вещь хрупкая, особенно у существ с магической сущностью или потенциалом. Иными словами, та же Эллина Тэр не увидела присутствия себе подобной – на тепловой карте оно не отражается, а вот колдовство ощущаться будет.

Итак, выходило, что убивал человек с магическими способностями выше среднего, с ярко выраженными разработанными темными умениями, волшебник, а не недоучка-гоэт. Либо вызванный или выпущенный и науськанный кем-то демон.

Ректор Университета говорил, что теоретически тварь могла быть создана искусственно и наделена определенным перечнем свойств, но тогда ее создатель обязательно когда-то попал бы в поле зрения своих коллег. Такой талант должен был учиться в Университете, но, к счастью, подобные самородки в Тордехеше давно не встречались. Остаться незамеченным он не мог: подросткам сложно контролировать развитый дар, он не сумел бы его прятать.

Запросы по всему королевству показали, что необычных детей в течение полувека не рождалось. Чутье Брагоньера подсказывало, что преступник – не мужчина преклонных лет, ему не больше шестидесяти – и то это предел. Тяжело так быстро передвигаться по стране, когда прожитая жизнь давит на плечи. И аваринцы не стали бы связываться с человеком, которого в самый ответственный момент может подкосить подагра или у которого дрогнет рука.

Хотелось связать воедино две ниточки разных дел – слишком много совпадений, слишком тесно связаны. И сходятся на личности госпожи Эллины Тэр.

На вид она такая безобидная, такая «серая мышка», за время учебы не получившая ни одной почетной грамоты, но и не завалившая ни одного экзамена. По опыту следователь знал, что именно из таких часто вырастают отличные преступники. Тут ведь как: либо яркая индивидуальность – первый в классе, либо ничем не примечательная личность. Последних обычно не принимают в расчет, чем они и пользуются. Удобная личина. Тихий омут обманчив.

Общалась с некромантом, увлеклась его работой, стала по ночам пытаться изучать темную магию. А во время дальних разъездов у нее были и время, и возможность для практики.

Гоэты ведь умеют общаться с духами, в теории слушают в училище краткий курс о сущности разных видов магии, антологии по ним читают – умному заинтересованному человеку достаточно, чтобы найти способ получить необходимые знания.

Мотивы? Море! От банальной обиды до безденежья и любопытства. Разумеется, любимые, власть и желание кому-то за что-то отомстить. Потом входят во вкус и не могут остановиться.

Итак, Эллина Тэр попыталась вызвать демона, но у нее не хватило силы и умений, чтобы управлять им, и тварь напала на нее.

В связи с этим возникает вопрос: делала ли она это ранее или попробовала в первый раз? Два странных убийства говорили о том, что предыдущие попытки были успешны, но тогда почему в этот раз все пошло не так? Торопилась? Возможно.

Либо она вызывала демона сама, либо это делал ее сообщник, хозяин, знакомый – это еще предстояло выяснить, как и то, вызывала ли Эллина демона добровольно. Если же рядом с ней кто-то был, то он ее бросил. Принес в жертву.

Избавлялись от ненужной свидетельницы – что ж, разумная, правдоподобная версия.

На первый взгляд у Эллины Тэр не та нервная система, чтобы удерживать демона в узде, ему нужна твердая рука. На первый взгляд, а на второй?

Попади она в управление, Брагоньер бы знал всю ее подноготную, а не строил догадки.

В любом случае побег госпожи Тэр стал отягчающим обстоятельством. Будь она невиновна, то сама бы явилась в Следственное управление с заявлением о нападении, а гоэта этого не сделала, поспешила скрыться.

Следователь с нетерпением ожидал доклада судебных магов, а пока решил самостоятельно допросить главную предполагаемую пособницу сбежавшей подозреваемой – любовницу графа Алешанского. Она, несомненно, многое знала – близкая подруга. И именно госпожа Анабель настояла на том, чтобы первый префект написал письмо с требованием освободить госпожу Тэр.

Теперь оставалось выяснить, что ей руководило: любовь к подруге, личный расчет либо она и вовсе была сообщницей. Ольер Брагоньер допускал, что внешне равнодушная к колдовству, утопающая в роскоши гоэта могла оказаться тем самым вторым действующим лицом недавних событий. Но только в Сатии – в Рамите она точно не была. Значит, к убийству Ханны не причастна.

Идейный вдохновитель и благодетель – что ж, возможно.

Две подруги, у одной есть деньги и связи, у другой – талант и знание основ темной магии. С помощью Анабель Меда госпожа Тэр могла позволить себе покупать запрещенные манускрипты, ездить в места, где еще жили темные, совершенствоваться в магии. Разумеется, владеющие черным колдовством волшебники не раскрывают своих секретов первым встречным, наверняка знакомый помог.

Взамен Эллина выполняла бы мелкие поручения подруги, либо и вовсе должна была стать орудием в ее руках.

Женская дружба коварна, зачастую иллюзорна.

Госпожа Меда – любовница первого префекта Сатии. Случайна ли была та встреча в Лицензионной конторе, не готовила ли она все эти годы какое-то преступление, подобравшись так близко к высоким сановникам? Кто знает, может, демона просто тренировали на простых людях убивать по приказу, а главной жертвой должен был стать кто-то из правящей верхушки Тордехеша? Аварин бы дорого заплатил человеку, который сумел бы сотворить такое.

А ведь эта Анабель бывала в столице, могла присутствовать на тех же балах, что и его величество. И с легкостью уговорила бы любовника во время одной из поездок взять с собой в качестве компаньонки подругу.

Вот так цепь рассуждений о магических немотивированных убийствах может привести к мысли о готовящемся покушении на короля.

Идея не казалась Брагоньеру абсурдной. В королевстве действует шпион вражеского государства, в самом этом государстве происходят странные вещи, что-то готовится. Почему это нечто не может оказаться убийством правящей династии Тордехеша?

Положив на стол девственно-чистый лист бумаги и очинив перо, соэр облачился в традиционную бесформенную одежду, надел маску и, вызвав секретаря, осведомился, доставлена ли уже в Следственное управление госпожа Анабель Меда. Получив утвердительный ответ, приказал привести гоэту на допрос.

Анабель, не стесняясь в формулировках, выражала бурный протест против самоволия

следователей, грозясь довести это безобразие до ушей вышестоящих властей.

Резко вырвав руку у державшего ее солдата, она с возмущением метнула черный шелковый шарф на стол Брагоньера – тот даже не вздрогнул, отстраненно-вежливым тоном предложив сесть.

– По какому праву меня похитили? – продолжала бесноваться гоэта. – Будьте уверены, графу Алешанскому обо всем станет известно, вы за все ответите!

– Сядьте, госпожа Меда, – чуть более настойчиво повторил следователь и отпустил солдата.

Анабель фыркнула, но все же села, смерив соэра презрительным взглядом.

– Я все равно знаю, кто вы, могли бы обойтись без маскарада. Значит, сначала засадили за решетку мою подругу, теперь взялись за меня? Ну, и что же вы на меня повесите?

– Госпожа Меда, вынужден предупредить вас об ответственности за оскорбление должностного лица при исполнении. Ведите себя прилично, это в ваших же интересах.

– А в ваших интересах немедленно отпустить меня.

– Ваш любовник вам не поможет. Я настоятельно советую вам отвечать на мои вопросы чистосердечно, дабы избежать ненужных неудобств. Вы не на увеселительной прогулке, и ваше эмоциональное возмущение может закончиться совсем не так, как вы ожидаете. Вы подозреваетесь в пособничестве преступнице. Фактически доказанном пособничестве – вы же не станете отрицать, что помогли Эллине Тэр покинуть город?

– Стану. Чушь, глупые домыслы!

– Вижу, вы не настроены быть честной со мной. Что ж, ваше право! Я дам делу ход. Срок вашего тюремного заключения будет определен судьей. Так же, как отказывающуюся сотрудничать со следствием, вас могут подвергнуть пыткам первой категории без телесных повреждений для выяснения обстоятельств важного государственного дела.

Анабель побледнела и попросила воды.

– Вижу, вы передумали, – подавая стакан, заметил следователь. – Рад слышать. А теперь, госпожа Меда, вы расскажете мне все, что знаете об Эллине Тэр, подробно опишете, как помогли ей бежать, и заодно просветите насчет своих отношений с первым префектом Сатии. После будете подвергнуты магическому тесту.

– Это незаконно! – взвизгнула гоэта. – Вы слишком много себе позволяете, господин соэр!

– Ошибаетесь, госпожа Меда, я действую исключительно в рамках закона. Видимо, у вас сложилось превратное представление о моих полномочиях. В королевстве Тордехеш нет места черной магии смерти, вызовам демонов и предательству, и я намерен искоренять это зло любыми доступными мне способами. Дабы вы не питали иллюзий: граф Алешанский не станет рисковать своим положением и добрым именем ради любовницы, обвиняемой в причастности к вышеперечисленному.

– Вы... вы с ума сошли! – не находя слов, выдохнула Анабель. – Какая измена, какие демоны? Точно, вы сумасшедший!

Соэр молчанием отреагировал на ее слова и взял в руки перо.

Допрос длился несколько часов, в ходе которых на лице гоэты сменилась буря эмоций. Следователь же задавал вопросы и делал комментарии в неизменном отстраненном, холодном, вежливом тоне.

Как ни сопротивлялась Анабель, ей все же пришлось рассказать о своих отношениях с любовником, целях, побуждавших ее поддерживать эту связь и планах на будущее. Брагоньер

начал именно с этого, намеренно оставив самое главное – Эллину Тэр – напоследок.

– Не беспокойтесь, если сообщенные вами сведения не будут представлять интереса для следствия, они не покинут пределы этого кабинета. В любом случае сотрудники Следственного управления не используют их в корыстных или личных целях, – соэр протянул ей бумагу на подпись. – Распишитесь, пожалуйста, в правом нижнем углу.

– С каких это пор в нашем королевстве принято унижать женщин и копать в чужом грязном белье? – покусывая губы, стараясь удержать слезы стыда и обиды (следовательно задавал и откровенные вопросы, заставляя отвечать), пробормотала Анабель.

– Все, что я спрашивал, – исключительно в интересах следствия, госпожа Меда. Никаких личных целей я не преследую. Быть может, временами был излишне резок – что ж, приношу свои извинения. Зато вы своей честностью оказали себе большую услугу. Разумеется, я проверю ваши показания, но на первый взгляд вы чисты перед законом. В отношении графа Алешанского. А теперь поговорим об Эллине Тэр. Расскажите все, что знаете о ней, постарайтесь вспомнить все увлечения, всех подозрительных знакомых. Не проявляла ли она внимание к какому-либо виду магии? Не занимала ли у вас денег на дорогие покупки? Куда ездила, с кем общалась и, самое главное, где она теперь?

– Я не знаю, – фыркнула гоэта, резко чиркнув пером по листу. Роспись вышла размашистой, с дырой на месте первого соприкосновения с бумагой.

– Если не знаете, то предполагаете. Вас видели в тот день в ее доме: вы собирали вещи подруги. Так же вы много времени провели в трактире «Белая мышка», в котором пряталась госпожа Тэр. Она просила вас помочь или вы сами предложили?

Анабель задумалась. Вопрос именно в этой форме был задан не случайно – Брагоньер подталкивал ее к правильному ответу, ответу, который мог бы смягчить степень ее вины. Или, наоборот, загонял в ловушку. Ведь так и хочется сказать: «Да, это она настояла» – и попасться на лжи. Она ведь до этого не раз отрицала свою причастность к побегу подруги.

Придется выкручиваться, только как?

– Да, я навещала Лину. Ей было очень плохо после нападения той твари в переулке. Кстати, почему вы не желаете выяснить, кто пытался ее убить? – с вызовом спросила Бель. Лучшая защита – это нападение.

– Выясняем, госпожа Меда, но, боюсь, без показаний потерпевшей дело не сдвинется с мертвой точки. Так где она?

– Понятия не имею! Я не видела ее со вчерашнего дня. Как раз собиралась справиться о ее здоровье, когда явились ваши солдаты. Между прочим, врач прописал ей постельный режим: у Лины сильно ушиблена голова.

– И есть незначительные ранения, полагаю. Об этом свидетельствует найденная кровь. Допустим, это объясняет, почему госпожа Тэр сразу не подала заявления о нападении, но почему она не вернулась к себе? Мне кажется, разумнее было бы лечиться дома.

– Дома? – взорвалась Анабель. – После того как вы науськали на нее солдат, которые должны были связать ее и притащить в тюрьму?

– Значит, ей было известно о предписании явиться в Следственный комитет? – довольно улыбнулся Брагоньер. Гоэта попалась, поддавшись порыву чувств, начала рассказывать то, что его интересовало. Можно было позволить себе скупые эмоции под маской. – Его вручили служанке, а та познакомила с ним хозяйку, верно? И предупредила о том, что ее ждут провожатые. Госпожа Тэр же предпочла скрыться. Неразумно, можете передать подруге, что она лишь усугубила свое положение. Я ограничился бы домашним арестом, проявив

сочувствие к ее положению, а так... Под каким именем госпожа Тэр покинула город?

– Понятия не имею.

– Госпожа Меда, неужели мне снова придется напомнить вам о том, с чего мы начали наш разговор? Пособничество подозреваемому в измене и вызове демонов наказуемо.

– Лина не изменница! И никаких демонов она не вызывала. Чушь! Лина таким не занимается, я за нее поручиться могу. И не только я – все гоэты подпишутся. Да, она попросила принести ей кое-какие вещи – только и всего. Или это тоже преступление?

– Вы так отчаянно упираетесь, госпожа Меда, так хотите скрыть правду...

– Я ничего не скрываю! У Лины много друзей, помочь бежать ей мог кто угодно. А я весь вечер провела не одна, можете проверить. Но если уж вам так хочется обвинить меня, вы, несомненно, это сделаете.

– Я стараюсь быть объективным, госпожа Меда. Разумеется, непогрешимы только боги.

В дверь постучали, и в кабинет осторожно заглянул господин Зонер – тот самый молодой следователь, которому было поручено допросить служанку Эллины.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Черный плащ с пурпурной каймой – атрибут боевого мага.

Чекушка – серебряная монета, равная 24 медякам, четверть золотого лозена.

Флисса – меч или длинный нож с узким длинным клинком, сужающийся к острию, клинообразный в сечении. Рукоять без гарды, навершие часто украшено стилизованной звериной головой.

Ламия – плотоядный суккуб.